

Чёрная сте́зя

Часть 2

**Испытание
войной**

**Михаил
Каюрин**

18+

Михаил Каюрин

**Чёрная стезя. Часть
2. Испытание войной**

«Автор»

2018

Каюрин М. А.

Чёрная стезя. Часть 2. Испытание войной / М. А. Каюрин —
«Автор», 2018

ISBN 978-5-532-92384-3

Драматическая сага в трёх частях о превратностях судьбы семьи Ярошенко. Жизнь трёх поколений проходит на фоне исторических событий советского периода России. За отказ от вступления в колхоз главу семейства с семьёй отправляют в ссылку на Урал. Лесоповал, голод 1932 года, арест по ложному доносу в 1937 году и десять лет лагерей. Война с фашистами испытывает на прочность детей Марка Ярошенко: Василису и Ивана. Чёрная стезя не минует и внука врага народа - Михаила. Ему дважды пришлось смотреть смерти в лицо и преодолевать полосу предательств близких ему людей.

ISBN 978-5-532-92384-3

© Каюрин М. А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Каюрин
Чёрная стезя. Часть 2. Испытание войной

Глава 1

Василиса оставила учёбу в техникуме в начале первого семестра. В стране уже три месяца полыхало жаркое пламя войны. Немцы упорно рвались к Москве, сводки информбюро каждый день были всё тревожнее и тревожнее.

Студенческие группы поредели, часть парней ушли добровольцами на фронт. Написали заявление и несколько девушек, но их пока не призывали.

В первых числах сентября их третий курс отправили в колхоз на уборку урожая, а после возвращения объявили: обучение станет платным. Для Василисы озвученная сумма была неподъёмной. Она сразу поняла, что ей не потянуть.

Небольшой зарплаты матери итак едва хватало для приобретения самых дешёвых продуктов. Дополнительный довесок в расходах вынудит голодать всю семью. Этого допустить Василиса не могла. Правда, Иван, поступив на курсы шоферов, стал получать стипендию, но эта стипендия была такой скудной, что заметного увеличения семейного бюджета не произошло.

Сообщив матери о своём решении, Василиса занялась поиском работы и потратила на это две недели. Никаких вакансий, кроме мытья полов, во всей округе для неё не нашлось. Сказывались тёмные пятна в её биографии.

И тогда Василиса отважилась на отчаянный поступок. Ещё в первые дни поиска, когда она заглянула на биржу труда, ей бросилось в глаза объявление, напечатанное крупным жирным шрифтом.

Вначале оно не заинтересовало её, поскольку речь в нём шла о приёме лесорубов в урочище Дальний Тырым, в двадцати километрах от посёлка Кусья. Это была, всё-таки, тяжёлая мужская работа, требующая определённых навыков и физической силы, и для неё, казалось, не подходила.

После безрезультатных хождений по конторам и учреждениям, убедившись, что подходящей работы ей не найти, Василиса ещё раз подошла к объявлению и внимательно прочитала каждую строчку. Поколебавшись, решила попробовать себя в качестве лесоруба. Такое решение она приняла без совета с матерью.

На бирже труда, как ни странно, её решению не удивились, оформили направление в Кусьинский леспромхоз без лишних вопросов. Причиной всему стала разгорающаяся война, которая сняла все ограничения на женский труд. Область остро нуждалась в пиломатериалах, объёмы заготовок древесины леспромхозам были увеличены сразу в несколько раз. Рабочих рук не хватало. Много мужчин ушло на фронт, их места занимали женщины.

На сборы отводилось двое суток. Возвращаясь домой, Василиса готовилась к непростому разговору с матерью. Едва смирившись с тем, что дочь бросила учёбу, мать вновь выслушает от неё неприятную новость, нарушающую семейное благополучие. Сообщить о своём отъезде в глухую тайгу Васса решила вечером, когда они втроём сядут ужинать. Ей необходима была поддержка брата. Она была уверена, что Иван поймёт и поддержит её.

За ужином, когда Евдокия поставила на стол сковородку с жареной картошкой, Иван, открывая банку с солёными грибами, неожиданно спросил:

– Ну, как, сеструха, нашла сегодня работу – или опять по нулям?

Вопрос брата был неожиданным. Василиса изучающе посмотрела сначала на Ивана, потом перевела взгляд на мать, словно оценивая их готовность к восприятию ошеломляющей новости, и с напускным безразличием сказала:

– Да, сегодня мне повезло, работу я нашла.

– Нашла? – удивилась мать. – А чего ж молчала? Вот радость-то какая!

– Видать, подвернулась такая работа, про которую и говорить-то не хочется, не то, чтобы радоваться, – проговорил Иван язвительно.

– Не брешь, – одёрнула сына Евдокия и насторожилась, в её глазах мелькнула тревога. – Полы мыть устроилась?

– Нет, мама, – вздохнула Василиса. – Поломойке мало платят. В леспромхоз я устроилась, буду лес валить наравне с мужиками.

Маленькая сухая рука матери дрогнула, из неё выпала ложка, улетела под стол.

– Как же ты решилась, Вассочка? – дрожащим голосом вымолвила она с осуждением. – И со мной не посоветовалась.

– Прости, мама, но я знала, что ты будешь против, – Василиса встала, подошла к матери, обняла её за плечи. – Не беспокойся, пожалуйста, всё будет хорошо. В лесу много женщин уже работает, так что там я буду не одна. Буду вместе с ними ковать победу над врагом, сейчас лес, ой, как нужен стране! Эвакуированные заводы в чистых полях стоят под открытым небом, люди остались без крыши над головой, а зима уже на пятки наступает.

– Так оно, дочка, сейчас вся страна нуждается в помощи. Но ты же никогда лес не пилила, какой с тебя работник в тайге? – с жалостью выговорила Евдокия. – Занедужишь от непосильной работы, а то ещё хуже – придавит бревном случайно.

– Мама, не нагоняй страха, – поморщившись, вступился за сестру Иван. – Наш отец тоже не умел валить лес, но жизнь заставила, и он научился. И Васска научится, не боги горшки обжигают. Другие бабы смогли же освоить эту работу, помогут ей на первых порах. Зато какая красивая кругом тайга, чистый воздух! А запах один чего стоит! Хвоя и смола дурманят голову, она даже кружится с непривычки. Да и харч в тайге посытнее нашего будет, верно?

Василиса увидела, как Иван подмигнул ей, намекая, чтобы она продолжила в том же духе.

– Да, мама, питание там хорошее, – подхватила Василиса, – суп с мясом, каша с тушёной рыбой, чай с маслом. Зарплату буду привозить домой нетронутой, в тайге её тратить без надобности, да и негде.

– Ой, Васса, загорить ты себя хочешь по собственной воле, – запричитала Евдокия, смахивая с глаз накатившиеся слёзы. – Надорваться можно на такой работе, а ты будущая баба, тебе ещё дитятков рожать, подумай об этом. Мужики посильнее вас, и те пупы рвут, грыжу зарабатывают. В лесу физическая сила нужна, видела я, как отец ваш жилы рвал на Шайтане.

– Всё, мама, хватит причитать, отговаривать меня уже поздно, я приняла для себя решение, – наставительно-ласково проговорила Василиса и, чмокнув мать в щёку, отстранилась от неё, подняла упавшую ложку, села на прежнее место. – Давайте будем ужинать.

За весь ужин никто из них больше не проронил ни слова. Евдокия будто сжалась в комок и периодически утирала краешком фартука катившиеся из глаз слёзы.

После ужина Иван, потолкавшись в комнате некоторое время, ушёл на свидание с Тоней. Василиса и Евдокия остались вдвоём. В доме повисла тягостная тишина.

– Мама, да не переживай ты так за меня, – не выдержав мучительного напряжения, – заговорила Васса. – Всё будет хорошо, вот увидишь. Ты ведь не одна остаёшься, Ваня всегда будет рядом с тобой. Ничего практически не меняется. Ты же не плакала, когда я училась в Лысьве, правда? Хотя меня тоже неделями не было дома. Сейчас наши встречи будут чуть реже, что тут такого?

– Боюсь я за тебя, дочка, – потухшим голосом сказала Евдокия. – В тайге хулиганистый народ собирается, обидеть могут. А заступиться за тебя будет некому, там каждый за себя.

– Глупости всё это, мама, – хорохорясь, проговорила Василиса. – Люди везде одинаковы, только характеры у них разные. К каждому требуется отдельный подход. Кто-то признаёт только силу, а для кого-то важна доброта и ласка. Жизнь в общежитии за два года меня многому научила. Я и сдачи могу дать, если потребуется. Ты, мамочка, плохо меня знаешь. Твоя

дочь выросла сильная и отчаянная, даже драться умеет. Тебе просто не довелось убедиться в этом.

Евдокия слушала Василису, а глазах стоял один немой вопрос: выживешь ли ты, дочь, там, в тайге, в неизвестных и непредсказуемых условиях?

Весь следующий день был посвящён сборам в дорогу. Василиса неторопливо выкладывала на стол все свои личные вещи. Потом, после некоторых раздумий что-то убирала назад, что-то тут же дополняла. Трудность заключалась в том, что она не знала достоверно, в каких условиях ей предстоит жить, когда разрешат взять выходной. Будет ли там электричество, или придётся коротать вечера при свечке? Есть ли возможность нормально помыться, или предстоит довольствоваться нагревом ведра воды на печке? На бирже труда на эти вопросы она не получила вразумительных ответов. Сейчас эти вопросы задавала ей мать, и Василиса, чтобы не расстраивать её понапрасну, на ходу придумывала картины таёжной жизни и без заминки описывала мнимый быт лесорубов.

Ранним утром следующего дня Василиса в сопровождении Ивана вышла из барака. С матерью она простилась в комнате, Василиса попросила не провожать её дальше порога. Туго набитый вещевой мешок с затянутыми вверху лямками нёс на плече Иван. Он вызвался проводить Василису на вокзал и посадить в поезд.

– Ты, это... сильно не умничай там в лесу, – озабоченно посоветовал он, когда они расположились на угловой лавке в закопчённом зале ожидания.

– Что значит «не умничай»? – спросила Василиса с недоумением.

– Не умничай – значит не лезь в бутылку по пустякам со своими принципами, – поучительно сказал Иван. – Веди себя тихо и мирно, присмотришься к людям, к их заведённым правилам. Хоть ты и жила в общежитии два года самостоятельно, но это ещё не означает, что ты уже тёртый калач. Мать ведь не зря беспокоится за тебя – с блатным народом ты не сталкивалась. У этого люда свои правила жизни, другие порядки и повадки.

Василиса с большим удивлением покосилась на брата и спросила:

– Ты-то откуда про всё это знаешь?

– Плавали – знаем.

– И где это мы плавали? – не отступалась Василиса.

– Неважно, – попытался отмахнуться от неё Иван. – Раз говорю – значит, знаю.

– Нет, Ваня, это очень важно.

– Твоя назойливость на блатном жаргоне означает «лезть в бутылку».

– И всё же?

– Вот привязалась, – недовольно пробурчал Иван. – К Ваське Бородину, дружку своему, в гости хожу. Он в соседнем бараке живёт. У них там год назад в двух комнатах блатные поселились, посмотрелся я на их жизнь, послушался всякого, оттуда и все познания.

– И что, на этих бандюков никакой управы нет?

– Ты что такая наивная? Кому хочется рисковать своим здоровьем? У блатных все разборки заканчиваются мордобоем и поножовщиной. Поэтому никто из жильцов и не смеет перечить им, закрываются на засов и сидят тихо, пережидают, пока те не уgomонятся.

– Ты, Ваня, такие страсти рассказываешь, что мне даже не верится, – содрогнувшись, тряхнула головой Василиса и передёрнула плечами.

– Верится тебе, или не верится – но будь осторожнее, – поучительно высказал Иван. – Может на этом Дальнем Тырыме и неплохой народ собрался, работающий, но держать ухо востро никогда не лишне. В любом коллективе всегда отыщется какой-нибудь урод, который не хочет жить по общепринятым правилам.

В словах Ивана было что-то незнакомое и уже не мальчишеское. И только сейчас Василиса обратила внимание на то, что и голос брата изменился – стал более грубым, мужским.

«А ведь он действительно становится мужчиной, – подумалось ей вдруг. – Через полгода ему исполнится восемнадцать, он станет совершеннолетним».

От этой мысли ей стало тревожно. Василиса была уверена, что война через полгода не закончится – слишком далеко продвинулись немцы, значит, брата призовут в армию и отправят на фронт.

Поражённая последней своей мыслью, она уставилась на Ивана так, как будто сейчас не он её провожал в неизвестную жизнь, а она отправляла его на фронт.

– Ты чего вылупилась? – не догадываясь о её мыслях, спросил Иван. – Урод обязательно объявится, вот увидишь.

– Хорошо, Ваня, я прислушаюсь к твоим советам, – сказала Василиса с несвойственной ей покорностью.

В это время послышался прерывистый паровозный гудок, к перрону приближался пригородный поезд.

– Вставай, пошли! – распорядился Иван. – Подкатывается твой драндулет.

Иван с лёгкостью подхватил увесистый мешок, забросил на плечо и, не оглядываясь, направился к выходу. Василиса последовала за ним.

Паровоз, попыхивая клубами дыма, медленно прополз мимо перрона и остановился, выставив коротенький состав напротив здания вокзала.

Сгрудившиеся толпа молчаливых и хмурых пассажиров начала спешно растягиваться вдоль состава. Иван направился к последнему вагону.

– Там меньше народу, можешь подремать, – бросил он на ходу.

Васса облюбовала скамейку в самом конце вагона, Иван поставил на неё мешок.

– Ну, вот, располагайся, поедешь одна, как королева, – бодрым голосом проговорил он.

Васса присела к окну, Иван остался стоять, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты, Ваня, не забывай помогать маме, хорошо? – печальным голосом произнесла она. – Я теперь, наверно, не скоро приеду вас навестить.

– Не беспокойся, всё будет в полном ажуре.

Они надолго замолчали, оба устались в окно. За стеклом моросил дождь. Перрон был пустынным, лишь однажды перед их взорами прошёл железнодорожный рабочий с железным ящиком в руках и мелькнула спешившая по своим делам молоденькая проводница.

– Ты не говорила, как будешь добираться до Дальнего Тырыма, – нарушил молчание Иван. – Я не стал спрашивать тебя при матери, чтобы она не переживала лишний раз. Ей ведь неизвестно, что паровоз ходит только до Пашии.

– До Кусьи доберусь на попутном грузовике, а дальше на конной упряжке.

– Это ведь километров полста по тайге, не меньше. Не боишься?

– Волков бояться – в лес не ходить, – усмехнулась Василиса. – Других вариантов судьба не захотела мне предоставить. Не сидеть же на шее у матери из-за страха?

Иван посмотрел на сестру и ничего не сказал.

– И потом, какой может быть страх здесь, в тылу? – продолжила Василиса. – Вот на фронте – да, страшно. Или на оккупированных немцами территориях. Там действительно страшно. Слышал ведь, что они творят с местным населением?

– Слышал, – ответил Иван глухим голосом. – И всё же, будь осторожной, и в мирной обстановке всякое случается.

– Я уже слышала про уродов, учту, наставник – рассмеялась Василиса с какой-то казённой улыбкой на лице, театрально, будто репетировала сою первую роль на сцене.

Паровоз издал предупредительный гудок и недовольно фыркнул выброшенным паром.

– Ну, ладно, мне пора на выход, – негромко сказал Иван. – Напиши письмо, как приедешь на место, а то мать изведётся вся.

– Напишу обязательно, – пообещала Василиса.

Иван спрыгнул с подножки вагона на перрон, когда паровоз дёрнул состав и медленно потащил его мимо здания вокзала. Василиса прильнула к окну и видела некоторое время шагающего по перрону брата, потом он исчез из её поля зрения. Через минуту за окном потянулась бесконечная лента хвойного леса.

Глава 2

В первую ночь в урочище Дальний Тырым Василисе спалось плохо. Она добралась сюда только на второй день после отъезда из Чусового. На станции Пашия её никто не ждал. На маленькой привокзальной площади, не смотря на ранний час, не оказалось ни одного грузовика, который бы отправлялся в Кусью. Две заляпанные грязью полуторки, что стояли поодаль от вокзала на возвышенном гравийном пятачке, отправлялись в противоположном направлении. Один грузовик забрал пассажиров и повёз их на Вижайский прииск, другой доставлял людей в посёлок Койва.

Василиса, проводив взглядом отъехавшие машины, осталась стоять посредине привокзальной территории в полном одиночестве. Постояв в растерянности несколько минут, она решила вернуться в помещение вокзала и обратиться к дежурной по вокзалу.

Хозяйка станции, высокая женщина лет сорока, словно станционная каланча, и сухая, как жердь, в замызганном железнодорожном костюме, внимательно осмотрела прибывшую пассажирку с ног до головы, будто прощупывала, с кем имеет дело. Потом, забросив привычным движением за плечо свою тощую рыжую косу с грязным бантом на конце, с неохотой, но всё же доброжелательно, заговорила:

– А ты, барышня, не бегай на улицу попусту. Дождь там заладил, измокнешь вся. Стань вон лучше у окна, да и карауль Тимоху-то. В Кусью отсюда только один Тимоха теперича ездит. По-моему, уж две недели как будет. Раньше ещё Пашка Млызин туда таскался по лесным делам, но у него чегой-то мотор вдруг заартачился, заглох посреде дороги, на веревке потом притащили. Сейчас на приколе его колымага стоит. А Тимохин грузовик приметный – правый борт у него сломан. Ещё в сенокосную пору, аккурат на Петров день, он, паразит, где-то в овраге кувыркнулся по пьяни, так до сего дня и ездит со сломанным кузовом.

– В котором часу, примерно, он подъедет? – спросила Василиса, выслушав неожиданно разговарившую женщину.

– Вот этого, милочка, я тебе сказать не могу, потому как сама не знаю. Скажу только, что порожняком он машину не гоняет, не позволяет ему этого делать начальство. Его грузовик за райпотребторгом закреплён. Товары разные перевозят на нём в Кусью. А пассажиры, вроде тебя, – попутный груз.

– Может, вы скажете мне, где стоит его машина? – поинтересовалась Василиса у словоохотливой женщины. Ей почему-то показалось, что та только числится дежурной по станции, а фактически заправляет всеми текущими делами на прилегающей территории и знает обо всём, что происходит вокруг.

– Скажу, отчего ж не сказать? – незамедлительно откликнулась всезнающая хозяйка станции. – Тут у нас все друг про дружку знают. Как перейдёшь через площадку, сразу сворачивай в первую улицу налево. Пятая изба справа и будет Тимохиной. Там и машина его должна стоять перед калиткой, увидишь.

– Спасибо вам, – поблагодарила Василиса женщину и отошла к окну.

Переждав некоторое время, когда дождь немного утих, она отправилась на поиски Тимохи.

Грузовик Василиса увидела сразу, как только свернула в улицу. Он действительно стоял у забора пятой по счёту избы. Около него стояли два мужчины и, размахивая руками, о чём-то оживлённо говорили. Один из них был в телогрейке и без головного убора, другой в длинном чёрном пальто и тёмно-серой шляпе, в руках у него был портфель.

Василиса сразу догадалась, что тот, который в телогрейке и есть Тимоха, а второй, по всей видимости, какой-то начальник. Она не стала подходить близко к мужчинам, остановилась у забора соседнего дома, и стала ждать, когда они закончат разговор.

Прошло ещё минут пять, прежде чем мужчины разошлись. Тот, который был в пальто, развернулся и пошёл к станции, а Тимоха полез в кузов, принялся там что-то двигать.

Едва мужчина в пальто миновал Василису, она стремительным шагом направилась к машине. Тимоха, держась за борт, поставил ноги на колесо и прыгнул на землю.

– Вас Тимофеем звать? – спросила Василиса.

Мужчина обернулся, с подозрительностью посмотрел на неё. На вид ему было лет тридцать. Светло-серые глаза, скуластое лицо с пшеничными усами, закрученными полукольцом вверх, и пышный кудрявый чуб придавали ему облик лихого парня.

Убедившись, что перед ним стоит обыкновенная баба, которая не способна причинить неприятность, широко улыбнулся:

– До встречи с тобой пока Тимохой звали, – глаза шофёра озорно загорелись, – а тебе чего?

– Мне до Кусьи нужно срочно добраться, – торопливо проговорила Василиса, боясь, что Тимоха не станет её слушать до конца и уйдёт в дом. – На работу я поступила, опаздывать нельзя.

– Одна едешь, или ещё попутчик имеется?

– Одна.

– Если на бутылку красненького не пожмотишься – прихвачу, – скаля зубы, бесцеремонно заявил Тимоха. – А так, жди другой okazji.

– Я согласна, – не раздумывая, ответила Василиса. – Когда вы поедете?

– На закате дня, – скривился в злой усмешке шофёр. – Видела, тут ко мне дядька в шляпе подходил?

– Видела.

– Вот он-то, как говорится, и испортил всю малину на сегодня. Я с утра должен был три бочки пива вести в Кусью, а этот ханурик договорился с моим начальством, чтобы я и его груз прихватил, какой-то движок для геологов. А движок этот прибудет на станцию только после обеда. Пока разгрузят его, пока мне в кузов перебросят – пройдёт время. Отправлюсь не раньше трёх часов, – нерадостно сообщил шофёр. – Я предложил ему завтра с утра отвезти этот движок, а он – ни в какую. Слово, говорит, дал геологам. Он слово дал, видите ли, а я, по его милости, должен личного времени лишаться.

Тимоха замолчал, ждал окончательного решения Василисы.

– Жаль, конечно, что не получается выехать раньше, – проговорила она разочарованно. – Мне ведь ещё дальше ехать нужно, на Дальний Тырым. Вряд ли кто-нибудь отправится туда вечером.

– Как знаешь, – передёрнул плечами Тимоха. – От меня ничего не зависит.

– Вы можете мне с ночлегом в Кусье?

– Могу устроить у своей тётки, у неё есть свободная комната, переночуешь. Она иногда принимает таких бедолаг, как ты. Только и ей придётся рублик выложить, жить-то всем нужно, – хмыкнул шофёр.

– Ну, что ж, другого варианта у меня всё равно нет, я поеду с вами, – согласившись с предложением, ответила Василиса.

– Лады, – весело отозвался Тимоха. – Жди меня на горушке у станции, подскочу.

Всё произошло так, как и предсказывал Тимоха.

В Кусью они приехали в четыре часа дня. Целый час ушёл на разгрузку, за это время Василиса успела оформиться на работу в леспромхозе, и только после этого грузовик остановился у дома родственницы Тимохи. Перебросившись с тёткой несколькими фразами, он спешно укатил обратно.

– Пойдём, покажу тебе комнату, – бесцветным голосом произнесла женщина, проходя мимо Василисы. – Володька в ней жил, пока в армию не забрали. За полгода до войны призвали.

Писал регулярно, а как война началась – ни одной весточки не прислал. На границе он служил, под Брестом. Сейчас там немцы.

– Как вас звать? – спросила Василиса, следуя за тёткой Тимохи.

– Зови тётей Настей.

Они прошли в дом. Сняв у порога галоши, хозяйка пересекла просторную кухню с кружевными занавесками на окнах и остановилась в дверном проёме.

– Вот твоя комната, проходи, располагайся, – сказала тётя Настя.

Маленькая комнатка за кухней была чистой и уютной. Стены отливали синькой от свежей побелки. У окна стоял деревянный стол, накрытый светлой клеёнкой в цветочек, рядом стоял венский стул. Металлическая кровать располагалась у противоположной стены, задняя спинка кровати упиралась в боковину печи.

– Спасибо, – поблагодарила Василиса. – Сколько я буду должна вам за ночлег?

Женщина с укоризной посмотрела на квартирантку и проговорила со вздохом:

– Спасибо ты уже сказала авансом, а большего мне и не нужно. Не возьму я с тебя ничего. Кабы ты остановилась на несколько дней – тогда другое дело. А так – за что брать? За то, что негде голову притулить на ночь? Да и не такая ты богатая, смотрю я на тебя, чтобы сорить деньгами. Состоятельные девки не отправляются в тайгу на заработки.

– Большое вам спасибо ещё раз, тётя Настя, – взволнованно выдохнула Василиса. – Мне действительно негде переночевать. Я рассчитывала сегодня же добраться до Дальнего Тырыма, а не получилось. На бирже труда меня заверили, что добраться до лесопункта совсем не трудно, грузовики и конные упряжки ходят туда часто.

– Какая ты наивная, девонька, – с сожалением высказалась женщина. – С такой наивностью трудно тебе придётся на лесоповале среди мужиков. Обведут вокруг пальца и не заметишь. Тебе, поди, на бирже труда пообещали, что будешь трудиться в бабской бригаде?

– Да, а разве не так? – в растерянности спросила Василиса.

– И тут тебя обманули. Баб там вместе с тобой будет человека три-четыре, не более. Остальные все мужики, живут каждый сам по себе. Власть для них не существует. Лёг – свернулся, встал – встряхнулся, и бригадир им не указ. Ну, да ладно, не буду тебя стращать раньше времени, – вздохнула тётка Настя в очередной раз. – Сейчас я самовар поставлю, за чаем и порассуждаем обо всём на свете, до ночи-то ещё долгонько.

Это было накануне вечером. Сейчас, лёжа на сенном матрасе в полной темноте, Василиса вспоминала всё, что с ней произошло за последние два дня.

Сегодня к полудню она добралась до урочища Дальний Тырым. Несколько часов ехала на телеге с неразговорчивым лесником Прохором Харламовичем. Он направлялся как раз в эти места для согласования деленок под вырубку. Ранним утром тётка Настя уговорила его прихватить с собой Василису.

Лесник уселся на краю телеги с правой стороны, Василиса пристроилась на ворохе сена сзади, спиной к нему. Всю дорогу они молчали. Прохор словно не замечал её, и только в конце пути заговорил:

– Сейчас будет развилка. Твоя дорога пойдёт направо, моя – налево. До барака тут недалеко. Двухэтажное здание сразу за ельником стоит, увидишь. Спросишь Тараса Михеевича, он здесь всем заправляет.

Через пару минут, всхрапнув, лошадь остановилась, Василиса спрыгнула с телеги, взяла в руки свой мешок, прошла вперёд.

– Спасибо, Прохор Харламович, – поблагодарила она лесника. – До свидания. Желаю вам здоровья.

– И тебе не хворать, – тусклым голосом отозвался её извозчик, легонько дёрнул вожжи, незлобно прикрикнул на кобылу:

– Но-о, пошла-а!

Лошадь, тряхнув гривой, потянула телегу дальше, а Василиса зашагала по раскисшей от дождя дороге навстречу неизвестности.

Тарас Михеевич встретил новую работницу на покосившемся крыльце барака. Это был сухонький мужичок небольшого роста, шустрый и говорливый. На вид ему было лет пятьдесят.

– Прибыла, голуба? – спросил он бодрым голосом.

– Прибыла, – ответила Василиса. – А вы Тарас Михеевич?

– Он самый, девонька. Царь и бог Дальнего Тырыма. А тебя, стало быть, с прибытием. Айда за мной в контору. Оформлю тебя, как следует, жильём наделю, одежду выдам, потом на делянку свожу, инструктаж сделаю. Если всё освоишь – завтра приступишь к работе самостоятельно, начнёшь гнать свою норму.

– Как? – опешила Василиса. – Так сразу?

– А ты как хотела? Няньку к тебе приставить?

– Ну, чтобы поучиться некоторое время... – неуверенно проговорила Василиса. – Я ведь никогда в лесу не работала.

– Все когда-то валили свою первую ёлку, и ты завтра свалишь, не сомневайся. Возиться с тобой некогда, тут каждый отвечает за себя.

«Лёг – свернулся, встал – встряхнулся, живут каждый сам по себе», – сразу всплыли в памяти замысловатые слова тётки Насти.

Заметив замешательство на лице Василисы, мастер смягчился, успокоил:

– Да не пужайся ты раньше времени, помогу я тебе первые ёлки положить. А там уж ты сама, девонька, с ними обниматься станешь. Как, звать-то тебя, труженица?

– Василиса.

– Красивым имечком нарекли тебя родители, – прищёлкнув языком, отметил мастер.

Они прошли в боковую комнатку на первом этаже. Тарас Михеевич сел за стол, достал из верхнего ящика какие-то бумаги, взял ручку, макнул перо в чернильницу, начал старательно выводить первые буквы. Василиса присела сбоку на обшарпанную табуретку.

– Давай твои документы, – сказал он, не отрывая глаз от бумаги.

Василиса вынула из внутреннего кармана направление из отдела кадров леспромхоза, положила на край стола.

– Ну, вот, готово, – с явным облегчением сказал хозяин лесопункта минут через десять. – Учётную карточку я на тебя завёл. В неё буду заносить ежедневно выполнение твоей нормы, и передавать в Кусью. Там тебе станут начислять зарплату и выдавать продуктовые карточки.

Потом мастер, выдав под роспись рабочую одежду и рукавицы, повёл её на второй этаж, показал комнату, где ей предстояло жить.

Простота быта поразила Василису. При входе в комнату, на табуретке в углу стоял жестяной бак с водой. Вдоль двух противоположных стен были установлены дощатые нары. Трое из них были аккуратно заправлены синими байковыми одеялами. На четвёртых, не заправленных, лежал объёмный полосатый матрас, по всей вероятности, туго набитый сеном. На нём сверху лежала подушка, и стопка свежего постельного белья.

«Это моя койка», – догадалась Василиса и шагнула к нарам, потрогала рукой подушку. Она была заполнена ватой.

Посреди комнаты находилась большая кирпичная печь с чугунной плитой. На ней стоял объёмный пузатый чайник. Перед окном с ситцевыми занавесками бледно-голубого цвета стоял деревянный стол, застеленный белой скатертью с длинными кистями по краям. По периметру стола расставлены крашенные в голубой цвет четыре табуретки. На столе аккуратными стопками разложена посуда.

– Здесь проживают три женщины, ты будешь четвёртой, – пояснил Тарас Михеевич. – Вечером ты с ними повстречаешься. А теперь, Василиса, ставь свою торбу на нары, переоденься, пойдём на делянку, будешь осваивать профессию вальщика.

Они спустились на первый этаж, вышли из барака.

– Идём в инструментальную, выдам тебе всё, что положено для работы, – пояснил на ходу Тарас Михеевич, направляясь к небольшому сараю в стороне от барака.

– Это всё, что тебе потребуется, – с довольной усмешкой сказал он, выложив на пол лучковую пилу с запасным лезвием, острозаточенный топор, несколько деревянных клиньев и небольшую кувалду. – Инструмент такой же нехитрый, как и сама работа. Всё это добро будешь хранить на делянке, там есть ящик, вот тебе ключ от замка.

А потом всё происходило, как в тумане.

Вырубка леса начиналась сразу за бараком. Прошагав между свежими пнями метров триста, обходя огромные кучи обрубленных веток и хлыстов, они подошли к нетронутому лесу. Перед Василисой стояли могучие ели с уходящими высоко вверх вершинами. Где-то совсем неподалёку слышался визг пил и стук топоров. Изредка по тайге разносился ухающий звук падающих наземь деревьев.

– Всё, пришли, – сказал Тарас Михеевич, остановившись у крайнего дерева и задрал голову вверх. – Слушай и запоминай.

Василиса тоже стала смотреть на вершину ели.

– Дерево, как человек, любит обращаться к солнцу, поэтому ветки у него с одной стороны и гуще, и длиннее. Стало быть, где веток больше, там и вес больше. В ту сторону и повалится ствол, когда ты его подпилишь, понятно?

– Ага, – ответила Василиса, продолжая неподвижным взглядом смотреть на вековую ель, как замороженная. Ей сделалось страшно, когда она представила себе падающее на землю дерево.

«А вдруг оно повалится вовсе не туда, куда надо? Успею я отскочить или нет?» – промелькнула неожиданная мысль.

Сердце забило в груди часто, по спине пробежали мурашки.

– На, бери пилу и делай запил, – бригадир вложил в онемевшие руки Василисы лучковую пилу с узким лезвием. – Смелее! Я рядом.

– А... сколько пилить? – с тревогой спросила она.

– Примерно на треть диаметра, потом сделаешь скол топором под углом сорок пять градусов. И только потом зайдёшь с противоположной стороны, чтобы встречным резом допилить ствол до конца. Ясно?

– Ясно, – дрогнувшим голосом повторила Василиса, приставила лезвие к коре и принялась пилить.

Пользоваться лучковой пилой она умела. Иван научил её пилить дрова как поперечной пилой, так и лучковой.

– Хватит, – остановил её бригадир, когда лезвие глубоко утонуло в стволе. – Вынимай пилу, бери топор, руби.

Василиса взяла топор, размахнулась, рубанула со всей силы. Потом ещё раз, ещё... Ель попалась крепкой, смолистой. Ствол гудел и не сдавался. Загнанно дыша, Василиса с каким-то остервенением всё рубила и рубила, не останавливаясь, перед глазами поплыли круги. Наконец, показался конечный рубец запила, она бросила топор на землю – руки её мелко дрожали.

– Перекури малёхо, – пожалел её Тарас Михеевич, в его глазах было одобрение и отцовская теплота. – Не то завтра вовсе занеможешь робить-то, руки отнимутся с непривычки. Ну-ка, отойди в сторону и смотри, как я буду валить. Запоминай всё, что увидишь.

Он сделал запил с противоположной стороны на пару сантиметров выше первого и начал пилить. В его руках пила ходила, как игрушка, с лёгкостью вонзаясь в ствол, словно нож в масло. Когда лезвие почти дошло до скола, могучая ель вдруг вздрогнула, будто в неё вошла невидимая смертельная пуля, и замерла на секунду. В этот момент Тарас Михеевич выхватил из ствола пилу и крикнул:

– Поберегись!!!

Ель качнулась, её вершина медленно поползла вниз, ускоряясь с каждой секундой. Через мгновение под ногами слегка содрогнулась земля, будто вздохнула от сожаления, и одновременно раздался характерный звук падающего дерева.

– Вот так и будешь валить этих таёжных истуканов, одного за другим, – по-молодецки озорно проговорил Тарас Михеевич, присев на комель поваленной ели. Он достал кисет, свернул самокрутку, закурил.

С наслаждением выпуская дым, поучительно проговорил:

– Тайгу любить надо. Если ты её будешь любить, то и она ответит взаимностью: накормит, напоит, вылечит при необходимости. Ведь тайга для человека, что заботливая родительница. И воспитывает, и закаляет, учит мудрости и смекалке. Вот такая она, наша тайга, да-а.

Василиса сидела рядом, слушала. Мастер оказался не таким уж простачком, каким представился ей в первые минуты встречи. Он был если не начитан, то, по крайней мере, много чего знал, очень хорошо разбирался во всех житейских вопросах. Рассказывая, сыпал поговорками и прибаутками. Страх у Василисы понемногу таял, в неё вселялась уверенность в себе.

– Ну, всё, девонька, все советы-ягоды я рассыпал перед тобою, теперь твоё дело собрать их в свою голову-лукошко, – сказал Тарас Михеевич. – А мне надобно идти, своих дел по горло, нужно поспеть. Помни: если человек будет делать только то, что хочет, взамен обязательно получит чего и не хочет.

Мастер притушил самокрутку о каблук сапога, положил окурочек в карман брезентовой куртки. Потом поднялся не спеша, и, не оборачиваясь, зашагал по своим делам. Василиса осталась одна.

Когда мастер потерялся среди деревьев, она встала, взяла мерку длиной один метр и двадцать пять сантиметров – таков размер дров в угольных печах – наложила на ствол поваленного дерева, сделала топором засечку, начала отрезать свое первое бревно.

«Твоя норма – четыре кубометра, – всплыли в голове слова откровения Тараса Михеевича. – Без скидки на неумение и женский пол. Труд баб и мужиков здесь измеряется одним аршином. Коммунизм, при котором ожидается принцип «от каждого по способностям, и каждому по потребности» ещё не наступил, а вот война бушует уже сегодня и не собирается потухать. Наоборот, она разгорается с каждым днём всё жарче и жарче, заставляя мужиков и баб трудиться на равных. Не сможешь спервоначалу заготовить четыре куба – свали и напили половину нормы. Эта половина, в конечном итоге, станет той маленькой пулей, которая убьёт одного фашиста».

От мысли, что придётся рвать жилы за четыре кубометра, ежедневно работать до изнеможения, Василисе стало как-то особенно тоскливо и муторно на душе.

«Сколько же времени я смогу выдержать на такой работе? – в который раз уже возник вопрос. – Неделю, две, месяц? Сколько?»

Василиса перевернулась на спину, перед глазами возникло тревожное лицо матери.

«Как же ты решилась, Вассочка?» – всплыл в памяти её вопрос с накатившимися слезами на глазах. Мать в тот момент, оказывается, лучше её понимала, на какие испытания она обрекает себя.

– Я смогу, – решительно прошептала Василиса, уставившись в темноту. – И силы в себе найду, и норму выработаю! Иначе нельзя! Дороги назад у меня нет.

Произнося эти слова, как клятву, она вскоре заснула. Уставшие за день тело и мозг требовали отдыха. Впереди был трудный день.

Глава 3

В середине января на Дальнем Тырыме начались сильные снегопады. Погода была тихой, безветренной. Крупные тяжёлые хлопья снега, кружась, плавно вальсировали в воздухе и, заканчивая чарующий глаз танец, бесшумно ложились на землю и на ветви спящих деревьев. Иногда в полдень снегопад прекращался, сквозь серые тучи на короткое время пробивалось солнце, и тогда кристальной белизны снег начинал искриться, сверкал многочисленными алмазами. Созерцать это сказочное зрелище долго не получалось – в глазах появлялась резь,плыли радужные круги. Василиса прикрывала веки и сидела, не шевелясь, несколько минут, вспоминая что-нибудь приятное.

Сейчас на душе у неё было полное спокойствие. Такое умиротворение наступило совсем недавно, после её поездки домой на Новый год. Теперь, вспоминая первый месяц своей работы на делянке, на лице её появлялась ироническая улыбка. А тогда...

... Страх и отчаяние преследовали её с утра и до вечера. В те дни норму удавалось выполнять лишь наполовину, причём, трудилась Василиса от восхода солнца и до наступления темноты. От душившей её обиды она плакала по любому поводу, а этих поводов было предостаточно. Плакала оттого, что дерево падало неудачно, зацепившись за соседний ствол и ей приходилось отпиливать комель на весу, а он, проседая под собственной тяжестью, зажимал лезвие пилы. Она напрягалась изо всех сил, пытаясь вытащить его, но лезвие с противным хрустом неожиданно лопалось, оставаясь внутри ствола. Поскуливая от досады, она забивала в щель деревянный клин, освобождала обломок лезвия, и со слезами на глазах заряжала новое полотно. Все сломанные полотна сдавала мастеру. Тот, качая недовольно головой, выдавал пару новых и педантично делал запись в учётной карточке, чтобы потом по итогам месяца вычестить из зарплаты стоимость повреждённого имущества. Плакала, когда ель попадалась слишком витой, и ей в течение получаса никак не удавалось расколоть пополам отпиленное по размеру бревно. Отмахав целый день топором и кувалдой, наработавшись с тяжёлым ломом, поворачивая им непослушные стволы, к вечеру у неё немела спина, дрожали руки и ноги, и уже не оставалось сил, чтобы складировать брёвна. Она садилась и отдыхала. Потом, после небольшой передышки, преодолевая слабость, заставляла себя складывать колотые бревна в штабель. И только когда всё было сделано, безвольно падала на бревна. В ожидании Тараса ей удавалось немного набраться сил, чтобы добрести до барака.

Мастер, как правило, являлся к ней для обмера в последнюю очередь. Всё это время она сидела, находясь в прострации, не в силах шевелиться. Мозг в такие моменты не работал, мысли не рождались. Перед глазами, как в калейдоскопе, набирая обороты, кружилась радужная карусель. Тело становилось невесомым и вместе со цветной мозаикой начинало быстро вращаться, ввинчиваясь в странную тёмную воронку. Кружась, Василиса стремительно летела в бездонную пропасть. Страх при этом она не испытывала. Хотелось, чтобы полёт побыстрее закончился, и она смогла бы, наконец, достичь спасительного дна, где можно было лечь и не двигаться.

Через месяц стало легче. Она, к своему удивлению, быстро освоила нелёгкую профессию лесоруба и все трудности, как ей сейчас казалось, остались позади. Молодость взяла реванш, тело приспособилось к физическим нагрузкам и заматерело, в руках и ногах появилась сила и выносливость, четыре кубометра уже не являлись для неё заоблачной цифрой.

В начале декабря малочисленное женское общество приросло еще на четыре «рабочих единицы», как выразилась озорная выдумщица и острослов Феня. С ней Василиса подружилась с первого же вечера. Малорослая и худая, со смуглым лицом и чёрной копной волос на голове, она больше походила на отбившегося от табора цыганёнка, нежели на двадцатилетнюю женщину.

Тогда, возвратившись из леса и увидев в комнате Василису, Феня радостно воскликнула:
– Ба, девки! Да у нас, как я понимаю, новенькая! Как звать-величать?

– Васса Ярошенко, – улыбнулась Василиса, шагнула навстречу и протянула руку для знакомства.

Женщины обменялись рукопожатиями, назвали свои имена.

– Ну, всё, девки! Поход в столовку сегодня отменяется! – на правах старшей заявила Феня. – Будем ужинать здесь. Дождалась своего часа наша бутылочка беленькой. Доставайте свои заначки, гулять будем.

– Чего это ты тут раскомандовалась? – спросила сердито рыжеволосая женщина с золотистым пушком на верхней губе. Звали её Зиной, она была пухленькой, можно сказать, даже круглой, и чем-то походила на зрелую тыкву. – Кто тебе дал полномочия командовать обществом?

– У нас коммуна, Зинуля, и командуем мы по очереди, – невозмутимо отпарировала Феня. – Утром ты изгалялась надо мной, днём распорядилась Любаша, теперь настала моя очередь верховодить вами. Так что, будь добра подчиниться.

– Мнение остальных тебя не интересует? Может, Васса не желает твоей пирушки, а, может, и я не хочу с тобой пьянствовать? Или вон, Любушка наша, ухайдокалась за день, бедняга, и на черта ей глотать полстакана твоей беленькой, когда и без водки хочется побыстрее обнять подушку.

– Вот потому вы, девки, и кукуете в одиночестве до сих пор, поскольку любите обнимать по вечерам только подушку, а не мужика, – с озорством поддела подруг Феня и заговорщически подмигнула Василисе. Не обращая внимания на заявление Зины, она выложила на стол кусок сала и поставила рядом бутылку водки.

– Ой, кто бы говорил? – ввернула Любушка, доставая из тумбочки половину булки чёрного хлеба и завернутую в газету большую селёдку, – не ты ли раньше всех принимаешь горизонтальное положение?

– Это всё от того, что нет на нашем лесопункте нормальных мужиков, – в своё оправдание ответила Феня. – Одни выворотни собрались.

– Кто-кто? – переспросила Василиса.

– Выворотни, – повторила Феня. – Или ты не слышала такого слова?

– Нет, – призналась Василиса.

– Дерево так называется, которое бурей выворачивает из земли. Упадёт такое дерево и лежит на земле никому ненужное. А когда попадается людям на глаза, то ни на что уже не годится – короед ствол погрыз. Ни дом из него срубить, ни досок напилить. Так и остаётся лежать посреди леса, пока в труху не превратится. – Феня усмехнулась. – Пока гниёт, никто на него уже не зарится. Вот и наши мужики живут здесь так, будто их буря без корней оставила. Хвоя ещё зеленеет, а процесс омертвления уже запущен.

– И сколько здесь мужчин?

– Десять вальщиков, да четыре мужика на подводах, которые наши дрова к реке свозят – вот и все мужики. Ну, ещё Тарас – тарантас, божий одуванчик.

– И что, так уж и не найдётся среди них ни одного подходящего? – рассмеялась Василиса.

– На кой нам выворотни? – повесила вопрос Феня в пространство. Весь вид её говорил о внутреннем отторжении окружающих её мужчин. – У каждого из них в биографии тёмные пятна имеются, и, в довесок к этому, большинству из них уже за сорок перевалило – поздно уже жениться.

Женщины переоделись в домашние халаты, присели за стол. Зина порезала сало и хлеб, Люба разделала толстую жирную селёдку. Василиса достала банку с квашеной капустой, выложила на тарелку. Командовала ужином Феня. Она отбила сургуч на горлышке бутылки, разлила водку по стаканам.

– Ну, девки, давайте вздрогнем! – Феня подняла стакан, держа его за доньшко кончиками пальцев. – Первый тост за знакомство.

Водку пили все по-разному. Зина медленно цедила её мелкими глотками, Любаша опорожнила стакан в два приёма, Василиса осилила только половину налитой ей водки. Феня же, в отличие от подруг, лихо опрокинула содержимое стакана в рот одним махом.

– Ух, какая жгучая, зараза! – выдохнула она, и, морщась, тряхнула головой из стороны в сторону. – Кто только её выдумал?

– Вопрос не в том, кто водку выдумал, а в том, кто научил тебя её пить? – старательно жуя сало, поучительно проговорила Зина.

– Детдом, кто же ещё? – не задумываясь, ответила Феня. – Там мы все очень быстро обучались дурным привычкам.

– Не все, – возразила Любаша. – Я вот знаю одного мужчину, тоже детдомовца, так он и не пьёт, и не курит.

– Ну, это, подруга, исключение. Скорее всего, твой знакомый или инвалид, или подкаблучник, или ещё в детдоме затюканным трусом стал. Других вариантов мне неизвестно.

На некоторое время все умолкли, набросились на закуску. Потом Феня наполнила стаканы по второму разу, произнесла:

– Предлагаю выпить за нашу дружбу! Здесь, в тайге, мы, женщины, особенно в ней нуждаемся. Друг даруется каждому из нас судьбой на всю жизнь, но потерять его можно в один момент. Это ведь очень просто: предать, обмануть, подставить, да мало ли существует подлых поступков? А потом, даже после глубокого раскаяния и прощения, друга уже не вернуть никогда. Давайте помнить об этом, девочки, давайте будем всегда стоять друг за друга горой, что бы не случилось с каждым из нас.

– Феня, ты такая умная, – растрогалась Люба. – Так красиво говоришь, что слеза невольно накапывается.

– Умная-то она только после первой рюмки, а потом её ум куда-то пропадает, – не удержалась и съязвила Зина.

Женщины будто не заметили сарказма Зины, все разом подняли свои стаканы и дружно выпили. Через минуту их щёки разругались, они принялись расспрашивать Василису о её жизни. Она рассказала о себе всё, без утайки, её новые подружки поведали о своих судьбах.

Феня, по её рассказу, после детдома сразу выскочила замуж за такого же обездоленного парня, оба устроились работать в леспромхоз. Через три года случилось несчастье – мужа придавило бревном насмерть, она осталась одна с двухгодовалым ребёнком на руках. Сейчас её сын находился на попечении знакомой бабки, которой Феня ежемесячно отвозила в Кусью часть заработанных денег.

Любаша и Зина были старше своей подруги на два года. Зина успела побывать замужем, но разошлась через год после свадьбы. Детьми обзавестись не успела. Любаша до сих пор оставалась старой девой. Обе когда-то учились в одном классе, потом их пути на время разошлись, и вот два года назад судьба вновь свела их вместе.

– До двадцати пяти лет прожила на кордоне с отцом, откуда там жениху взяться? – высказалась она с обидой в конце своего повествования, и из этих слов невозможно было понять, на кого она в большей обиде: на отца, который не отпускал её от себя, пока не скончался, или на свою незавидную судьбу?

Василисе с подругами повезло, они оказались порядочными и отзывчивыми. В тот памятный для неё вечер она поделилась с ними о своём страхе, пережитом на делянке, и о том, что на следующий день ей предстоит валить деревья уже самостоятельно, без подсказок и страховки Тараса Михеевича. Выслушав опасения Василисы, захмелевшая Феня придвинулась к ней, положила свою заскорузлую ладонь ей на затылок, и, взлохмачивая волосы, пригрозила:

– Не смей завтра без меня валить ёлку, поняла? Хочешь, чтобы тебя придавило в первый же день? Не позволю, слышишь? Пока не убедишь меня, что можешь работать самостоятельно – я от тебя не отойду ни на шаг, уловила?

– Но ты же не выполнишь свою норму? – неуверенно запротестовала Василиса.

– К чёрту норму! – громко возмутилась Феня. – Человеческая жизнь не может ставиться на одни весы с нормами! Правильно я рассуждаю, разлюбезные мои подружки?

– Правильно, Фенечка, – ответила Зина. – Правильно на все сто процентов. Только вот кричать об этом на всю комнату не стоит. Давай-ка спать ложиться, беленькую мы приговорили, пора и на боковую.

Выпитая водка быстро сморила женщин. Забравшись под одеяло, они заснули почти мгновенно. А Василиса в ту ночь долго не могла уснуть. Обещаниям Фени она не поверила и посчитала это пьяной болтовнёй. Лежала, ворочалась, вспоминала все наставления мастера, готовила себя к завтрашнему дню.

... Василиса очнулась от воспоминаний, открыла глаза и увидела перед собой Феню. Утопая по колено в снегу, та двигалась к ней напрямик по снежной целине.

– Ты что тут, уснула? – запыхавшись, спросила она. – Кричала, кричала тебя, а ты – ни гу-гу.

– Задумалась, ничего не услышала, – сказала Василиса. – Что-то случилось?

– Тарас-тарантас навевывался недавно, просил пораньше сегодня закончить работу.

– Что так? – удивилась Василиса.

– Мужиков наших провожать будем. На Койве новый лесопункт открывают, их туда перебрасывают.

– Всех что ли?

– Всех, кроме возчиков, тех пока оставили с нами, – пояснила Феня. – А к нам уже завтра прибывает женская бригада. Из эвакуированных набрали.

– Женский батальон, значит, пойдёт в наступление, – усмехнулась Василиса. – Что за бабы-то, хоть? Умеют ли с пилой да топором обращаться?

– Ой, подруга, даже и не знаю, не спрашивала.

– Ладно, приедут – сами увидим, какие из них вальщики, – снисходительно сказала Василиса загрубевшим от морозного воздуха голосом. Она даже не задумалась в этот момент, что всего три месяца назад сама страшилась вида падающей на землю могучей ели и ломала лезвие лучковой пилы по два раза на день. Василиса чувствовала себя сейчас опытным лесорубом. – От нас-то что требуется?

– Поварихе нашей, Пелагее, помочь надо. Скрючило беднягу. Рука отнялась и спина не разгибается.

Они посидели вместе минут пять, потом Феня отправилась на свою делянку.

Вечером коллектив лесопункта впервые собрался в полном составе. Маленькое помещение котлового пункта едва уместило всех собравшихся. Ранее таких сборищ не практиковалось. Поскольку в распоряжении поварихи посуды было недостаточно, питаться приходилось в несколько смен, по очереди. Первыми посещали столовую женщины, за ними следовали мужчины-вальщики, потом подтягивались возчики. Тарас Михеевич питался после всех вместе с Пелагеей.

Мужчины сдвинули столы, расставили по обе стороны по несколько табуреток, положили сверху на них длинные строганные доски, получились две лавки. Столы покрыли скатертями, лавки застелили невесть откуда взявшимися домоткаными половиками. Женщины разнесли несколько чугунков с дымящейся картошкой, поставили хлеб в тарелках. Раскрасневшаяся от работы у плиты, с блестящими глазами появилась Феня с большим жестяным подносом. На нём, блестя золотистой корочкой, покоились три зажаренных зайца. С четвертью самогона в руках появился сам мастер. Среди собравшихся пронёсся сдержанный гул удивления.

– Прошу рассаживаться, – распорядился Тарас Михеевич. – Кто с кем захочет. Только потеснее, товарищи, местов у нас, понимаете ли, в обрез, а разместиться надобно всем.

Тихо перешёптываясь между собой, смущённые мужики стали усаживаться за стол, плотно прижимаясь плечами друг к другу. Женщины расположились на противоположной лавке. Обе стороны смотрели друг на дружку с нескрываемым любопытством, словно никогда ранее не встречались. Тарас Михеевич установил свой табурет во главе стола, но не сел на него, стоял подле и ждал, когда народ утомится.

– Товарищи! – торжественным голосом начал свою речь «царь и бог» Дальнего Тырыма. – Сегодня у нас с вами особый день, потому как накануне произошло множество событий. О них я должен сообщить вам лично, такой указ получен мною утром по телефону от самого товарища Балдина.

Тарас Михеевич умолк на некоторое время, уткнув взгляд в листок бумаги, который держал в руке.

– Кто такой Балдин? – шёпотом спросила Василиса Феню.

– Ты, что, с луны свалилась? Это же директор нашего лесхоза.

– А у нашего Тараса какая фамилия?

– Царё-ёв, – с растяжкой ответила Феня и с удивлением покосилась на подругу. – Ты что, до сих пор не знала?

Василиса покачала головой из стороны в сторону:

– Нет.

– Мои сообщения будут вот какие, – Царёв повёл глазами сначала вдоль женской стороны, потом перебросил взгляд на мужскую половину, будто хотел уточнить, с какого же сообщения ему начать в первую очередь, после чего уткнулся в бумажку, стал читать:

– После победы под Москвой наши войска контратаковали противника и перешли в общее наступление на советско-германском фронте. Тяжёлые бои сейчас ведутся за освобождение городов Ржев, Вязьма и Дорогобуж. Фашисты яростно сопротивляются, но советское командование уверено, что в ближайшее время они будут выбиты из этих городов. После мощного напора нашей армии враг окончательно дрогнет и побежит назад. Товарищ Сталин призвал всех наших солдат и офицеров победоносно идти вперёд, и только вперёд, не отступая назад ни на один шаг. Для достижения скорейшей победы над врагом отечества, все граждане, оставшиеся в тылу, должны равняться на солдат-героев и сами становиться героями. Наш труд должен стать самоотверженным и благородным. Мы обязаны трудиться во имя победы над фашистами, не щадя ни сил, ни своего здоровья. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами! Ура, товарищи!

– Ура-а! – раздалась в ответ жидкая разноголосица.

На лесопункте отсутствовало радио, все важные новости передавались мастеру вестовым из головной конторы. Люди узнавали о положении в стране и на фронтах от мастера, когда собирались на ужин. Города, населённые пункты, фамилии военных начальников и героев боевых действий Тарас Михеевич записывал для памяти на бумажку, остальное передавал на словах. Сейчас из его уст прозвучала явно чья-то чужая речь, вероятнее всего, он записал часть обращения парторга леспромхоза.

– Это, товарищи, я сделал первое сообщение, – выдержав небольшую паузу, продолжил Царёв. – Теперь будет второе.

В маленьком зале столовой наступила напряжённая тишина. Взоры собравшихся людей устремились к мастеру, в глазах каждого из них застыл немой вопрос: хорошим или плохим будет это второе сообщение?

Вновь уткнувшись в свой листок, Царёв продолжил читать.

– Металлургический завод перешёл на усиленный режим работы, выпуск чугуна и стали значительно увеличился. Фронт требует от заводов всё больше новых танков и пушек. Заводу

не хватает угля, строевого леса и пиломатериалов. Руководство лесхоза и партийный комитет совместным решением постановили увеличить количество лесозаготовительных пунктов, а также пилорам. Их придётся строить с нуля, а для этого потребуются кадры, имеющие опыт работы в лесной промышленности. – Тарас Михеевич оторвал глаза от бумажки, снял очки и заговорил своим привычным говорком.

– Товарищ Балдин по этому случаю отписал мне приказ о переводе наших мужиков на новое место. Здесь, на Дальнем Тырыме остаются одни ба... женщины, то есть. Мужиков завтрева конным транспортом велено мне направить в Кусью. Там им всё расскажут и объяснят. Обратным рейсом возчики привезут замену мужикам – вакуированных женщин. Будем расселять.

– Что они умеют делать, эти эвакуированные женщины? – спросила Зина. – Как будем выполнять план?

– Что умеют – покажут, чего не умеют – вы научите, – ответил Царёв. – А насчёт плана у нас будет особый разговор.

– Никак, круглосуточно заставляют работать? – не удержалась Феня. – Так для этого делянку надо осветить, чтоб видно было, как мы станем ложиться и подыхать на ней, а заодно следует и похоронную команду из Кусьи вызвать.

Сказав это незлобиво, без тайного умысла на противостояние, решив просто обратить на себя внимание мужиков, которые, вынырнув из толстой и грубой спецодежды, сбрав страшные бороды, оказались совсем не такими старыми, как ей ранее представлялось. Перед ней сидели не «выворотни», а солидные, но вполне привлекательные мужчины. Съехидничав, она и не предполагала, чем придётся заплатить за свой длинный язык буквально через несколько минут.

– Ты, Феня, не шуткуй, и не баламуть народ, – одёрнул ее Тарас. – Не до шуток ноне, и панику сеять ни к чему. Слышала, ведь, что фронту нужны танки и пушки? А из какой стали, да чугуна их вылить, коли в печах угля не будет? Кумекаешь? То-то же! Для полной победы над врагом целая цепочка образуется в промышленности, прочная и неделимая. Проклятый фашист только возрадуется, если хотя бы одно звено из этой цепочки вывалится. Понимать надобно, так как время военное. Поэтому и план теперича будет по пять кубов с носа в день.

– Так-то, оно, так, Михеич, – подал голос с конца стола Северьян Плотников, кряжистый мужик лет сорока с сивой окладистой бородой. – Пуп надорвать – дело нехитрое, но я полагаю, если работу исполнять из-под палки, результатом будет дырка от бублика. Человек, ведь, не враг своему здоровью. Чтобы грыжа вываливалась по доброй воле своего владельца – тут нужен особый стимул.

Слова Северьяна, похоже, понравились мужикам. Они зашевелились, заулыбались, одобрительно закивали головами. Женщины же, напротив, почему-то вдруг нахмурились и уставились на Царёва. По их лицам нельзя было понять, чьей стороны они придерживаются.

– Партийная ячейка, товарищи, и лично товарищ Балдин подумали и об этом, как его... стимуле, – окинув народ каким-то недобрым тяжёлым взглядом, процедил слова Царёв. – Теперь норма снабжения хлебом будет увеличена на сто граммов. А передовики заготовок будут поощряться карточками на получение мануфактуры, одежды и обуви, им станет выделяться ещё и дополнительное горячее питание.

– Не густо, Михеич, для тех, кто будет жилы рвать, – усмехнулся всё тот же Северьян. – Чёрствый тот пряник, которым ты собираешься заманить людей в тайгу для работы под луной. Об такой пряник можно и зубы обломать. А вот кнут у тебя, как я вижу, прочный, сыромятный.

И тут Царёв не выдержал, взвинтился так, как никто от него не ожидал. Лицо налилось кровью, он почти закричал:

– Пупок, говоришь, развяжется?! Грыжа твоя вывалится?! А у солдат на фронте она не вываливается, когда они пушки на своих руках через реки и болота волокут под бомбами, да не емши толком неделями, сидя на одних сухарях?! Дают им мятный пряник, чтобы они бежали

под пулями, да снарядами на врага?! А в Ленинграде люди сутками работают, и получают за это пайку в четыре раза меньше, чем ты?! И умирают от голода прямо на работе! Да коль разобраться, как следовало, у нас тут не жизнь, а ровно курорт какой-то, я вам скажу! стыдно тебе должно быть, Северьян, за такие-то слова. Шибко стыдно. Ты есть самый несознательный лемент и гоист, как контра в революции. Твоё счастье, что высокое начальство не слышит тебя.

Царёв замолчал, смотрел едкими глазами на людей. Его хлесткая речь будто невидимой плетью прошлась по сознанию каждого из них. Пристыженный Северьян опустил голову, подпёр бороду своими ручищами, под ними виднелись пунцовая кожа.

Наступила зловещая тишина. Казалось, будто Царёв временно отключил все звуки вокруг в назидание несознательности собравшихся лесорубов и включит их только после того, когда лица людей сгорят от стыда.

Прошла минута, другая. Царёв продолжал сидеть и молчать. Молчали и лесорубы, уткнувшись взглядами в пол. И вдруг в этой напряжённой тишине раздался голос Василисы Ярошенко. Обливая собравшихся укоризненным взглядом, она заговорила взволнованным, чуть подрагивающим голосом:

– Какой неприятный разговор! Мне стыдно было слышать слова торга за сверхурочный труд от крепкого, здорового мужчины. Стимул ему поднесите, иначе он не будет заинтересован в достижении победы над врагом! Будто и не советский человек говорит. Мне страшно слышать такое требование! В стране полыхает война, фашисты топчут нашу землю, расстреливают и вешают мирных граждан, насилуют женщин, а Северьяну Плотникову нужен какой-то стимул, чтобы без особого труда для себя свалить лишнее дерево! Неужели до сих пор непонятно тебе, дорогой товарищ, что победа над врагом зависит от трудовых усилий каждого из нас? – Василиса посмотрела на Северьяна Плотникова испепеляющим взглядом.

От жгучих глаз девушки тот опустил голову ещё ниже, сжался в комок, будто готовясь к тому, что после обличительных слов она возьмёт в руки увесистый дрын и начнёт им обхаживать по спине.

– На новогодний праздник я побывала дома, повстречала сестру. Она работает на металлургическом заводе. Вы знаете, как там сейчас трудится народ? Нет? Так я вам скажу: рабочие вкалывают во имя победы, не жалея себя. Выполняют по две – две с половиной нормы ежедневно. Их теперь так и называют – «двухсотники», потому что норму они выполняют на двести процентов. Стали появляться и «трёхсотники». Такие рабочие объединяются в бригады, их называют, «фронтовыми». Подростки встают за станок и работают наравне со взрослыми. И никто из этих людей не ноет и не требует ничего взамен! – Василиса замолчала, полоснула гневным взглядом по лицам мужиков, хотела ещё что-то добавить, но, махнув с презрением в их сторону рукой, села.

– Смотрю я на всё происходящее здесь и диву даюсь, – не вставая из-за стола, вступила в разговор Тамара – степенная бледнолицая женщина с короткой стрижкой и бледным лицом. Фамилия у неё была трудновыговариваемая и никто из женщин даже не пытался её запомнить. Эта женщина была беженкой, приехала в Кусью к дальней родственнице, по дороге под бомбёжкой потеряла пятнадцатилетнего сына. – Как можно в такое страшное время думать о собственной выгоде? Мы что здесь, голодаем? У нас нет куска хлеба? Нет крыши над головой? Мы спим на снегу? Нас истязают? Слышали бы этот разговор люди, которые остались под немцем! Или те, кто оказался в блокаде! Они бы не поверили своим ушам, окажись среди нас! Правильно сказал Тарас Михеевич: живём, как на курорте, а некоторые при этом ещё умудряются нить, пытаются урвать для себя лишний кусок. Стыд и срам, товарищи. Предлагаю немедленно прекратить всякие рассуждения на эту тему. Есть Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года, в нём всё оговорено: какая продолжительность сверхурочных работ, как производится оплата, и кому что положено. Северьян и все, кто поддерживает его, вероятно забыли о его существовании. А если знакомы с этим указом, не давят на представителя власти

публично, значит они самые настоящие саботажники, и спрос с таких людей в условиях военного времени должен быть очень строгим.

Тарас во все глаза с удивлением смотрел на женщин и не верил в происходящее. Он думал, что они поддержат Северьяна Плотникова, ожидал услышать от них злые высказывания в свой адрес, и, когда повисла тревожная тишина, готовился к отражению атаки.

Вышло всё наоборот. Теперь ему предстояло защищать мужиков от ястребиных нападков женщин. Они загалдели вразнобой, начались взаимные упрёки и обвинения. Заводная с пол-оборота Феня несколько раз назвала мужиков «выворотнями». Те, в свою очередь, объявили её провокатором, талдычили ей в лицо, что, если бы она не брякнула про похоронную команду, Северьян бы молчал и не заводил Тараса.

Один из мужиков, что сидел по правую сторону от Плотникова, не переставал оправдывать Северьяна, доказывая, что тот действовал прежде всего в интересах женщин, а им, мужикам, теперь всё равно, им уже здесь не работать, а на новом месте у них будут другие виды работ и другие условия.

Царёв понял, что наступает критический момент, когда разгорающаяся перепалка может запросто перерасти в потасовку. Он взял табурет, и, перевернув его вверх ножками, грозно постучал по краю столешницы несколько раз.

– Тихо, бабоньки, – произнёс он властным голосом. – Чего вы раскаркались, как вороньё на скотобойне? И вы, мужики, успокойтесь, не то бабы выцарапают вам на физиономиях свои имена. Впервой я надумал свести вас ликами друг с дружкой, думал миловаться станете напоследок, а теперь, понял, что допустил ошибку. Словом, ставлю точку в вашем жарком споре.

Поставив табурет на пол, Царёв продолжил уже другим, глухим голосом:

– Не всем нашим мужикам предстоит робить на новом месте, половина из них отправляется на фронт бить фашиста. Это последнее моё сообщение вам.

Тарас Михеевич перевернул свой листок, зачитал фамилии. В списке вызываемых в военкомат значилась и фамилия Северьяна Плотникова. В который раз за столь непродолжительное время вновь воцарилась тишина.

Когда Плотников услышал свою фамилию, его руки, лежащие на бороде, дрогнули, он отнял их от лица и с осторожностью покосился на Тамару. Словно убедившись, что опасность миновала, поднял голову и повернулся к Царёву. На его щеках раз за разом перекатились желваки, будто судорога прошла по лицу. Раздуваясь, шевельнулись ноздри, как у встревоженного мерина.

– Михеич, – обратился он к Царёву, – Коль такое дело, позволь мне высказаться напоследок?

– Говори, – буркнул тот сердито.

– Я знаю, слово – не птаха, туда-сюда не летает, в рот не возвратится и на язык обратно не сядет. Что мною сказано, то сказано, отрицать не стану. Покоробил я всех своими словами. Но, поверь, Михеич, поверьте и вы, бабы, не за себя я говорил, за коллектив беспокоюсь. Видел я, как даются новичкам эти четыре куба, наблюдал, как бабы надрываются. Что будет с месячным планом нашего лесопункта, если завтра все мужики уедут, а им взамен привезут сюда неумех? Ни кнутом, ни уговорами нужный штабель не сложить. И когда заерепенилась Феня, на меня что-то вдруг нашло, будто прорвало изнутри. Вот и наговорил лишнего, – Северьян повернулся в сторону Тамары, посмотрел ей в лицо многозначительно. – И про Указ я вспомнил сразу, когда услышал про пять кубов с носа. В нём ведь сказано, что обязательные сверхурочные работы длятся от одного до трёх часов в день, и оплата производится в полуторном размере. А вы сейчас как трудитесь? Обычную норму выдаёте не за восемь, а за двенадцать часов. Где ж вам взять дополнительное время? Ночью? Тогда на ходу засыпать будете, сонных и деревом может придавить ненароком.

«Сладко стелешь, – подумала Василиса о Плотникове. – Грамотно и убедительно, ничего не скажешь. Только вот неискренно как-то, по глазам видно. И известия об отправке на фронт испугался, руки сразу задрожали, когда Тарас Михеевич зачитал твою фамилию. Интересно, как ты поведёшь себя там, на фронте?»

– Ладно, будем считать, что я не кипятился, а ты не отзывался плохо о принятых мерах товарища Балдина и партийного комитета леспромхоза, – примирительно сказал Царёв. – Только в следующий раз не руби лапшу на навозной доске, когда тебя начнёт рвать изнутри. Грязные слова, что гнус в жару, шибко раздражают общество, и сеют смуту в душах. Понятно тебе?

– Угу, – с облегчением выдавил из себя Плотников и немного повеселел.

– Отвертелся, выворотень, – наклонившись к уху Василисы, прошептала Феня. – Всё сошло с рук хитрому старOVERу. Думает, поверили мы его вранью, обвёл всех вокруг пальца и сидит радёшенек. Видела я его глаза, когда он потешался над Тарасом. Злые они были, враждебные.

– Ничего, на фронте его сразу раскусят, – также тихо ответила Василиса.

– Может и так. А может, он от страха к немцам переметнётся? – не отступалась Феня. – Говорят, его отец в гражданскую с беляками заодно был и до сей поры, якобы, где-то в тайге хоронится.

– Да ну его к чёрту, – отмахнулась Василиса. – Послушай-ка, лучше, о чём Царёв говорит.

Тарас Михеевич в этот момент стоял у стола и, помогая себе жестами, произносил длинную напутственную речь отъезжающим мужикам. Шпаргалки из парткома у него не было, говорил своими словами о том, что думал.

– Так вот, дорогие товарищи мужики, будущие бойцы Красной Армии! Громите с бесстрашием фашистскую банду и возвращайтесь живыми героями! – закончил он путаную речь и без промедления скомандовал:

– Наливайте по этому поводу Пелагеиного напитку. Выпьем за всё, что я вам сказал и пожелал.

– Спасибо тебе, Михеич, за добрые слова, – ответил за всех Северьян, и его рука потянулась к четверти с самогоном. Разливая мутную жидкость по кружкам и стаканам, он на мгновение остановил свой взгляд на Василисе. Зрачки его чёрных глаз на секунду сошлись в маленькие точки, словно перед прыжком, потом опять расширились. Взгляд был таким же холодным и недобрым, каким его уловила Василиса, когда Северьян, говоря о стимуле, смотрел на Царёва.

«Может, на Дальнем Тырыме и неплохой народ собрался, работающий, но держать ухо остро никогда не лишне. В любом коллективе всегда отыщется какой-нибудь урод, который не хочет жить по общепринятым правилам», – вспомнились Василисе слова брата.

«Как прав оказался Иван, и какой умница, – подумала она в следующий момент. – Разбирается в жизни, как умудрённый опытом человек. Ему всего-то семнадцать, а он знает уже что-то такое, чего мне ещё недоступно».

Она покосилась с опаской на свой стакан, задержала его на секунду перед плотно сжатыми губами, затем, прикрыв для чего глаза, нерешительно отпила два глотка скверно пахнущего самогона. Прижав ладонью рот, поморщилась, потом закусила солёным рыжиком. Феня, сидевшая рядом с ней, взглянула на подругу с сочувствием и озорно подмигнула. Запрокинув голову, одним глотком осушила стакан до конца.

– Вот так пьют настоящие лесорубы, подруга! Учись! – залихватским тоном проговорила Феня, стукнув доньшком стакана о стол.

– Лихо у тебя получается, – одобрительно пробасил Плотников. – Где обучилась такому мастерству?

– Были добрые учителя, вроде тебя, – на выдохе ответила Феня.

Четверть с самогоном прошлась по столу по второму кругу. Потом по третьему. Веселье разгоралось. Еще совсем недавно враждующие между собой стороны вдруг словно оттаяли и потеплели душой. Посыпались шутки, вскипал смех, кто-то пробовал запеть частушки. Повеселевший Царёв несколько раз с кружкой в руке подсаживался к женщинам, хвалил за работу и говорил комплименты. В этой шумихе Василиса не сразу заметила исчезновение Фени. Не оказалось за столом и Северьяна Плотникова.

– Зинуль, – обратилась она к подруге. – Ты не знаешь, куда запропастилась наша красавица?

– Фенька, что ли?

– Ну, да.

– Кто ж её знает? – пьяным голосом ответила Зина. – По-моему, за патефоном пошли куда-то с Северьяном. Танцы решили устроить.

– Какой патефон, какие ещё танцы? – встревожилась Василиса. – Давно ушли?

– Я, что, засекала? Нужны они мне оба...

– Тьфу, ты, бестолковая баба, – ругнулась Василиса, – за патефоном вдвоём не ходят.

Она отыскала на вешалке свою телогрейку и выскочила на улицу. Мужское общежитие располагалось в одном бараке с женским, только вход в него был прорублен в стене отдельно, а коридор изолирован дощатой перегородкой.

Василиса сразу догадалась, где следует искать Феню. И действительно, в подтверждение её догадки, в одной из мужских комнат в окне горел свет. Когда она очутилась в коридоре, за дверями предполагаемой комнаты слышалась какая-то возня, сдавленные крики и рыдания.

Дверь в комнату оказалась не запертой. По всей вероятности, её хозяин даже не предполагал, что в разгар вечеринки кто-то может сюда наведаться.

Перед глазами Василисы предстала мерзкая картина. Феня, с распластанным до пояса платьем, зажавшись в угол нар, как загнанный зверёк, сидела, закрыв ладошками свои маленькие сухие груди. Но оголённом плече виднелась большая кровоточащая царапина, волосы были взъерошены, из одной ноздри сочилась кровь.

– Не подходи ко мне, ублюдок, – не в силах уже больше кричать, шипела Феня, будто потревоженная змея, готовая в любой момент броситься на обидчика, вцепиться в него зубами и рвать на куски. – Не смей... если только ты это сделаешь – я убью тебя, выворотень, и сама удавлюсь...

– Вот дура. Я же предлагал тебе по-хорошему, даже денег давал, но ты сама не согласилась, – бормотал Северьян, расстёгивая ремень на брюках. – Ладно бы, недотрогой была, вроде этой комиссарши Ярошенко, я бы ещё мог понять. Но, ты-то, не она, насквозь вижу, что стерва ты прожжённая, чего ломаешься? Завтра я уеду, мы больше никогда не встретимся. На фронте меня могут убить, так хоть память о себе оставлю.

Василиса не знала, как поступить. Озираясь по сторонам, она увидела кочергу. Толстый железный прут с загнутым расплюснутым концом стоял в углу при входе. Не раздумывая, Василиса схватила её и, вскинув над собой, решительно шагнула к Северьяну. В этот момент тот обернулся, придерживая руками уже спущенные до колен штаны, вскрикнул с изумлением:

– Ты?! Чего удумала, сука неподкупная?! Брось кочергу!

– Это я хочу тебя спросить: чего ты удумал, женский защитник? Вот, как, оказывается, ты печёшься о бабах?

Северьян замер на мгновение, соображая, как ему выпутаться из сложившейся ситуации. Потом высвободил одну руку, молниеносным движением схватил со стола нож и ринулся на Василису.

– Обоих в расход пушу! – успел крикнуть он и вдруг, издав на выдохе какой-то странный звук, похожий на хрюканье, медленно осел на пол – Василиса успела опустить ему на голову увесистую кочергу.

– Ты его убила? – трясась в страхе, спросила Феня, вглядываясь в бездыханное тело насильника. Северьян не успел натянуть на себя штаны и лежал сейчас на полу животом вниз с обнажённым задом.

– Его убьё-ёшь, – протянула Василиса, с удивлением глядя на кочергу в своей руке. – Вон какой бычара!

Поставив кочергу на прежнее место, добавила:

– А если бы убила – туда ему и дорога. Пошли отсюда, пока он не очнулся.

Феня быстро сползла с нар, набросила на себя телогрейку, и, косясь на Северьяна, попятилась к выходу.

Через несколько минут они были уже в своей комнате и заперли дверь на крючок.

– Вдруг ты его убила? – всхлипывая и содрогаясь всем телом, глухо спросила Феня. – Что тогда?

– Не ной раньше времени, – со злостью ответила Василиса. – Тебе-то чего переживать? Не ты же его кочергой огрела, не тебе и отвечать. Раздевайся и ложись спать. Ты до сих пор ещё не протрезвела, любительница выпить.

Феня безропотно исполнила приказание и, поскулив ещё некоторое время уже под одеялом, заснула.

«А если я действительно прибила Северьяна насмерть? – подумала Василиса, расхаживая по комнате взад и вперёд. – Что, если он пока жив и нуждается в помощи? Лежит сейчас один посредине комнаты в луже крови и тихо умирает. Я должна что-то предпринять!»

Она посмотрела на спящую Феню, остановила взгляд на припухшей щеке, на запёкшейся крови под носом.

«Что за глупые мысли? – словно протрезвев, задала себе вопрос Василиса. – Сестра милосердия выискала? Я ведь сама видела, как он пошевелился, когда закрывала дверь. И никакой крови на полу не было. Жив и здоров бугай-насильник, и моя кочерга для него, что для слона дробина. А получил он поделом, и, можно сказать, ещё легко отделался. За такие дела сажают в тюрьму».

Василиса выключила свет и подошла к окну. Сквозь стекла был виден край неба. Снег перестал валить ближе к вечеру, и ночь обещала быть ясной. На небе появились звёзды. Они переливались, сверкали и были очень яркими, будто их вымыли, прежде чем рассыпать по небосклону.

В комнате было темно и тихо, приятно пахло хвоей от большого букета пихтовых веток, которые девочки приносили с делянки ежедневно и ставили в вазу на столе. Василиса стояла и думала, что вот она сейчас попала, как птица в клетку. Может передвигаться по комнате, дышать, думать, размышлять о завтрашнем дне, но одновременно с этим была уже несвободной. Что-то невидимое и неосязаемое загнало её в замкнутое пространство. Она понимала, что находиться с такими ощущениями до утра не выдержит. Для неё нужна была ясность положения, в котором она очутилась.

Восстанавливая в памяти всё, что произошло, она не могла вспомнить того момента, когда ударила Северьяна. Это мгновение не задержалось в голове, выпало из сознания напрочь. Сердце забило учащённо, слегка закружилась голова, по телу леденящей волной пробежался холодок. Её почему-то потянуло на место происшествия.

Когда Василиса после мучительных терзаний уже взяла в руки телогрейку, чтобы направиться в комнату Плотникова, кто-то с силой дернул ручку двери из коридора, потом принялся отчаянно трясти. Дверной крючок, звеня металлом, заплясал в петле. Василиса замерла.

– Эй, какого чёрта заперлись? Вы что там, оглохли? – послышался требовательный голос Зинаиды. Язык её сильно заплетался. – Отворяйте сейчас же, не то мы с Любанькой высадим дверь!

Василиса с облегчением выдохнула, быстро подошла к двери, сдёрнула крючок с петли.

– Вы чего тут забаррикадировались? – пьяно улыбаясь, спросила Зинаида, проходя в комнату. За ней, пошатнувшись, вошла Люба.

– Мужики пьяные в коридоре шарахались, вот и закрылись от греха подальше, – соврала Василиса.

– Вассочка, мужиков не надо бояться, они такими славными оказались, – осклабилась Люба. – Я даже целовалась с одним из них. Он такой потешный, этот Василий. Жаль, танцы сорвались.

– А что, Северьян не принёс разве патефон? – с замиранием сердца поинтересовалась Василиса.

– Он его разбил вдребезги, когда с крыльца свалился, – усмехнулась Зинаида. – Такую шишку себе на лбу набил – мама не горюй! Даже Тамара Петровна его пожалела, зелёной лоб разукрасила.

– Жив, значит, остался наш заступник, – почему-то ничуть не обрадовавшись, промолвила Василиса, а про себя подумала: «И здесь ужом вывернулся. Вот ведь хлюст какой».

– Фенька вырубилась что ли? – поинтересовалась Люба, кивнув головой на нары.

– Отдыхает наша Феня. Она тоже с крыльца свалилась, вместе с Плотниковым.

– Не повезло девке в очередной раз, – сочувственно высказалась Зинаида. – Как выпьет, зараза, так с ней обязательно что-то происходит. Какого чёрта она попёрлась пьяная с Северьяном? Он бы и один сходил.

– Пить меньше надо, – строго сказала Василиса. – Тогда и крыльцо не будет шатким, и зелёнка не пригодится.

Она больше не стала слушать пьяную болтовню женщин и улеглась на нары. Отворачиваясь к стене от света лампы, сказала требовательно:

– Вы тут долго не шарахайтесь, гасите свет и ложитесь спать. Работу на завтра никто не отменял.

Зина и Люба почесали пьяные языки ещё некоторое время и, наконец, утомонились. В тёмной комнате установилась тишина, и было отчётливо слышно, как тикают настенные часы-ходики.

Глава 4

Разговор о предстоящем расширении лагеря вёлся давно. Запасы каменного угля в этом районе были велики, по планам советского правительства ещё в середине тридцатых годов здесь планировалось возвести несколько больших шахт. Но одно дело планировать, и другое – реализовать эти планы. Всё упиралось в пути доставки добытого угля. Для транспортировки промышленных объёмов требовалось построить через болотистую местность железнодорожную ветку. А это сделать оказалось не так-то просто, и строительство отложили до лучших времён.

Построив первую шахту, руководство края столкнулось с проблемой рабочей силы. Люди из других областей не пожелали залазить в глухомань. Расчёт на местное население Приполярного Урала тоже провалился. Занимаясь охотой и рыболовством, оно не пожелало изменить устои своей вольной жизни.

Исправить создавшуюся ситуацию удалось за счёт труда заключённых. Небольшие объёмы угля грузились в вагонетки и по узкоколейке конной тягой подтаскивались к берегу северной реки. Там уголь перегружался на баржи и речным путём доставлялся до пункта назначения. Зимой уголь складировался на берегу, дожидаясь весеннего половодья.

Начавшаяся война заставила правительство в спешном порядке вновь вернуться к отложенным ранее планам. Каменный уголь стране нужен был позарез. Решение вопроса было возложено на НКВД.

Пока в лагере витали слухи о предстоящей стройке, заключённые продолжали надрывать своё здоровье в узких, как кротовая нора, забоях старой шахты. Лагерное начальство ничуть не заботилось об улучшении условий труда и быта зеков. Вентиляция отсутствовала, сверху постоянно сочилась вода, в штреках было влажно и душно. Люди задыхались, простывали и болели.

С началом войны условия, и без того каторжные, резко ухудшились. Пайка за работу была урезана, рабочая смена в забое увеличилась до десяти часов в сутки. Изнурительный труд выматывал людские силы, доводил человека до истощения, и он умирал. На место умерших привозили новую партию заключённых, угольный конвейер продолжал двигаться безостановочно, перемалывая очередные человеческие жизни. Людского материала было предостаточно.

Александр Кацапов первый раз спустился под землю тринадцать месяцев назад. Весь этот срок он, лёжа на боку, махал кайлом и за себя, и за блатных – воры в законе в печорской зоне придерживались воровских принципов и кайло в руки не брали. Администрация лагеря смотрела на это сквозь пальцы, верхушка главарей воровской группировки пользовалась её покровительством. На первом месте у начальника лагеря стояли дисциплина и порядок, выполнение плана – на втором. Блатные безупречно обеспечивали на зоне и то, и другое, а это было главным аргументом для начальника лагеря, чтобы не вмешиваться в лагерную жизнь заключённых.

Каким бы крепким и выносливым человек не был, адский труд рано или поздно сгибал его в бараний рог, гнул к земле, высасывая из организма жизненную энергию всю до последней капли.

За год каторжной работы Кацапов изменился до неузнаваемости. Нос заострился, скулы выпирали из-под бледной кожи, глаза глубоко провалились, тело усохло настолько, что арестантская роба висела на нём, как на вешалке.

Первые месяцы он ещё тешил себя надеждой, что отчаявшиеся зеки долго не выдержат изнурительного труда, объединятся в протестную группу и взбунтуются, потребовав от администрации исполнения закона всеми зеками на равных. Но он ошибся. Никто из заключённых-лапотников, таких, как сам Кацапов, крестьян или представителей рабочего класса, именуемых на зоне просто «мужиками», попавших на зону по глупости или по стечению обстоя-

ятельств, даже в мыслях не допускали противоборства с блатными. «Мужики» это усвоили хорошо и безропотно тянули свою непосильную лямку, надеясь лишь в душе на чудо в послаблении жесткого лагерного режима.

Политических в этом лагере не было, агитаторов-смельчаков не находилось. Да и требовать исполнения законов было бы настоящим самоубийством. В одном случае блатные без промедления порезали бы за одну ночь всех недовольных прямо в бараке, как баранов, с присущим им хладнокровием и жестокостью, в другом случае, зачинщиков пристрелили бы конвоиры по указке хозяина «при попытке к бегству». Такое уже было в истории лагеря, как оказалось.

Методы, которые применял Кацапов, работая с заключёнными в Бурятии, здесь были не приемлемы. В лагерях Коми существовали иные правила и порядки, в мозгах лагерного начальства прижились другие принципы управления заблудшими людьми.

Через полгода Александр окончательно убедился, что наивно тешить себя восстановлением хотя бы частичной справедливости. Более того, ему стало известно, как цинично поступают здесь блатные с заключёнными, у которых ранее имелись отношения с органами НКВД.

Пока в лагере никто не знал о такой страничке в его биографии, и это временно спасало от издевательств или смерти. Чтобы остаться в живых, нужно было оставаться в тени и не лезть на рожон. Хотя далёкая Бурятия была отсюда за тысячи километров, но воровская молва не знает ни расстояний, ни границ. Если только станет известно, что он работал мастером в одной из колоний, пусть даже в числе вольнонаёмного, никакой пощады ему не будет. Братва без колебаний посадит его на нож. И вот, когда он уже смирился со своей участью, его неожиданно вызвал к себе начальник лагеря.

Конвоир довёл Кацапова до кабинета хозяина зоны, отступил в сторону, пропустил заключённого. Александр снял шапку, постучал в дверь, и вошёл в чистое уютное помещение. Остановившись у порога, назвал свою фамилию и статью, по которой был осужден.

– Проходи, садись, – дружелюбно проговорил начальник лагеря, показав жестом руки на привинченный к полу стул в торце стола, покрытого зелёным сукном. За всё время пребывания в лагере Кацапову никогда не доводилось видеть «кума» вблизи. Теперь он рассматривал его без головного убора с некоторым любопытством, сравнивая мысленно с Антоном Лукичом Порубейником – начальником лагеря-колонны № 23 на строительстве железной дороги в Бурятии. Одно сходство между ними всё же имелось. Тот и другой были рослыми и тучными, а в целом – скорее, полные противоположности.

– Не догадываешься, по какому поводу я тебя вызвал? – начальник лагеря прищурился и впился изучающим взглядом в Кацапова.

– Никак нет, гражданин начальник, не догадываюсь.

– Неделю уже читаю личные дела осужденных, подбираю нужных мне людей, – загадочно выразился «кум», не отводя глаз от лица заключенного, и выдержал короткую паузу.

– Удивляюсь, как тебе удаётся ладить с братвой? Рубишь уголёк, таскаешь волокуши и ни разу не выяснял отношений с блатными?

– Работаю, как предписывает режим, – вяло ответил Александр.

– Я не о том, – усмехнулся начальник лагеря.

– Тогда я не понимаю вас, гражданин начальник.

– Что тут непонятного? До боёв на Халхин-Голе ты, оказывается, сам перевоспитывал трудом осужденных, вершил их судьбы, так сказать. Скажи по секрету: за тринадцать месяцев не хотелось тебе хоть однажды ткнуть в харю кому-нибудь из зарвавшихся фраеров?

– Нет, гражданин начальник, не хотелось.

– Можешь называть меня Николаем Павловичем, – вкрадчиво сказал хозяин лагеря. – Тебе я разрешаю.

Кацапов с недоумением помял в руках шапку, потом снова положил её на колени, спросил:

– К чему такая любезность, гражданин начальник?

– Хочу предложить тебе, Кацапов, возглавить участок на предстоящей стройке. Мужик ты, я вижу, неплохой. Работящий и терпеливый. Жаль будет, если блатные дознаются о твоём прошлом и пришьют к нам.

– От своей тени не уйдёшь, – глядя прямо в глаза «куму», спокойно вымолвил Кацапов.

– Чем в могилу торопиться, лучше молча почесать свой затылок, – усмехнулся «кум». – Ты знаешь, что означает моя фамилия?

– Нет.

– Карачун – это смерть, гибель. Почему нарекли так моих предков – одному сатане известно. Но я могу сказать одно: подполковник Карачун единолично решает, кому на зоне следует умереть, а кому радоваться жизни. Заруби это себе на носу и не стирай зарубку до окончания срока, – начальник лагеря вынул из кармана кителя носовой платок и протёр вспотевшую лысину.

– Давай так, – продолжил он, затолкав обратно в карман аккуратно сложенный платок, – эту неделю ты дорабатываешь в забое, а с понедельника приступаешь к новым обязанностям. Ты меня понял?

– Понял, гражданин начальник, – сухо ответил Кацапов.

– Что-то я не вижу радости на твоём лице, – с насмешкой проговорил Карачун. – Или гнить в забое тебе привычнее? Тогда так и скажи, не удивлюсь, всяких чудачков повидал за службу. А может, тебе за падло получить подарок из рук самого хозяина?

– Отчего же, безмерно рад, гражданин начальник. Любой твари жить хочется, а человеку тем более, – с непроницаемым лицом ответил Кацапов. – Только ведь на зоне закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет.

– Правильно мыслишь, за всё придётся платить, чтобы стать этим самым шмелём. Не бойся, сучью отметину на тебе я ставить не собираюсь, ты и без неё запятнан, – начальник лагеря широко улыбнулся, его густые рыжие усы расплзлись в разные стороны. Голос Карачуна был негромким, но твёрдым, с металлическим оттенком. Слова исходили изо рта каждое в отдельности, будто были заблаговременно сложены в некую обойму, и он выпускал их сейчас оттуда, как выстреливал, с короткими промежутками времени.

– И что вы потребуете взамен за такую щедрость, гражданин начальник?

– Через пару недель сюда прибудет большая партия заключённых, в основном политических. Но среди них есть и уголовный сброд, не имеющий ничего общего с воровской братией. Всем им предстоит обживаться с нуля, – Карачун сделал небольшую паузу и внимательно посмотрел на Кацапова.

– Как... с нуля? – недоумевая, спросил Александр. – На голом месте, что ли? Они же окочурятся в первые сутки!

– Это будет зависеть от их желания жить, – по лицу начальника лагеря пробежала кривая и безжалостная ухмылка. – Не размещать же такую ораву в существующих бараках? Пусть даже на короткое время. Блатные тут же порежут их всех до единого, да ещё бунт поднимут.

– В чём заключается моя задача? – хриплым голосом поинтересовался Кацапов.

– Задача очень простая. Я даю тебе бригаду мужиков. За пару недель надо построить караульные вышки, натянуть по периметру колючую проволоку и разогреть грунт под землянки. Прибывшую партию политических прямо с этапа запустим в твою мышеловку и заставим рыть для себя землянки. Работа знакомая, верно?

– А что потом? Какая задача будет потом, когда прибудет партия заключённых?

– Будешь за смотрящего у них, наделю тебя особыми полномочиями на случай бузы и саботажа. Сначала постройте землянки, потом приметесь за бараки. Ну, как, согласен?

– А если откажусь?

– Тогда мне придётся шепнуть Демону, что ты работал в органах НКВД, – самодовольно заявил «кум» и громко рассмеялся. – Смотрящий сам решит, как с тобой поступить. Или на ремни порезать, или запомоить. Тут уж как карта ляжет.

«Так вот почему твоему роду приклеили такую фамилию, – подумал Александр. – Ты, значит, по крови унаследовал звериные повадки».

А вслух сказал:

– Вот так, стало быть, вы обштопали моё дело, гражданин начальник. Как после таких слов мне не согласиться?

– Я и не сомневался в том, что ты не откажешься, – уже без ухмылки проговорил Карачун. – Давай обсудим детали.

...Хозяин зоны прекрасно понимал, что распоряжение ГУЛАГа о направлении в его лагерь большой партии политзаключённых не будет отменено. Здесь не сработают никакие самые весомые доводы. Шла война, сапоги немецких оккупантов уже полгода топтали землю больших регионов, откуда раньше заводы и фабрики получали уголь. Требовалось срочно нарастить недостающие объёмы за счёт оставшихся шахт. Планы добычи этого сырья увеличивались в разы. Это было понятно и без каких-либо дополнительных аргументов.

Предъявить ультиматум о том, что ему негде разместить такое количество людей, он, естественно, не мог. Это означало бы сделать выбор одного из двух вариантов своего незавидного будущего. Первый – сорвать с себя погоны и переселиться в барак уже в качестве заключённого, или второй, более предпочтительный – приставить пистолет к виску. Ни тот, ни другой вариант не устраивал Карачуна.

После получения секретного распоряжения из ГУЛАГа, он запёрся в кабинете на ключ и стал искать выход из непростой ситуации. Конечно, с большей частью прибывающих можно было как-то решить вопрос. Например, уплотнить блатных, подселить к ним обычных работников. В освободившийся барак запрессовать четверть прибывших с этапа заключённых. Вторую четверть отправить на сутки сразу в забой. Потом чередовать их между собой, пока не будут готовы землянки. Но куда затолкать вторую половину?

«Нет, такой подход не годится, – подумал Карачун уже через несколько минут. – Блатные далеки от идеи самопожертвования в угоду «кума», они тут же взбунтуются, не дослушав меня до конца. Пожар протеста мне не нужен, ни в коем случае. Такое пламя может вспыхнуть, что даже весь конвой не справится и патронов не хватит на его ликвидацию. Будет куча трупов, в естественные потери их не спрятать».

Мысль пришла совсем неожиданно. Неспроста же он носит фамилию «Погибель»!

«Почему я должен ломать голову над тем, как сохранить здоровье этим отщепенцам? – пожал он плечами в полном недоумении, уставившись неподвижным взглядом в портрет Сталина на стене. – Сказано же, что большая часть прибывающих зеков – политические. Их переправляли из тех лагерей, которые впоследствии оказались на оккупированной немцами территории. Все они бывшие кулаки или недобитая контра! Будь моя воля, я бы не тратил на них ни копейки народных денег! Не церемонясь, ставил к стенке эту шуштуру и дело с концом, – Карачун на какой-то миг даже представил, как отдаёт конвою команду «Огонь!», как падают на снег люди, как вокруг них, медленно расширяясь, образуются алые круги. – Нечего чикаться с врагами народа!»

От такого видения его настроение сразу улучшилось, он повеселел. Повертев головой из стороны в сторону, встал, развёл в стороны руки, потянулся. Потом долго ходил по кабинету, размышляя над деталями своего плана.

Он решил загнать всю партию прибывающих заключённых в чистое поле и заставить их рыть для себя землянки. Сколько зеков при таких условиях уткнётся лицом в мерзлую землю и никогда уже не поднимется – подполковника не интересовало. Он ликовал, что нашёл выход из ситуации. Оставалось лишь подобрать лидера для осуществления коварного плана. Требовался

заключённый из мужиков, которого можно было шантажировать. Блатные для такой цели не годились, слишком велик риск провокации.

Карачун отпер кабинет, гаркнул в приоткрытую дверь:

– Оглоблин!

Тотчас, не раскрывая дверь полностью, в образовавшуюся щель протиснулся светловолосяный старший лейтенант. Было такое впечатление, будто этот худой тридцатилетний офицер в очках постоянно подпирал косяк в коридоре, прислушиваясь к каждому шороху в кабинете начальника лагеря.

Оглоблин остановился посередине комнаты, замер в ожидании распоряжения. За время своей службы он привык к причудам хозяина. Бывало, проходило несколько минут, прежде чем он получал словесный приказ. Карачун мог вызвать помощника, посмотреть ему пристально в глаза, а потом некоторое время расхаживать по кабинету.

– Вот что, Оглоблин, – произнёс «кум» свои первые слова и остановился, словно желая убедиться, полностью ли обойма заполнена словами, которые ему сейчас предстоит изречь. – Принеси-ка ты мне дела мужиков, которые когда-либо имели дела со строительством, да не тяни резину. Желательно, чтобы имели опыт руководства людьми и не были бздунами. Всё ясно?

– Так точно, товарищ подполковник!

– Иди, поторопись.

Через час Карачун уже перелистывал страницы личных дел, интересующих его заключённых. А спустя несколько дней вызвал к себе в кабинет Александра Кацапова.

... – Всё понял? – спросил хозяин зоны после получасовой беседы, взглядываясь в лицо новоиспечённого прораба.

– Да.

– Когда прибудет партия заключённых, выдам тебе наган.

– Для чего? – вскинул брови от удивления Александр.

– Эта штука позволит тебе пользоваться особыми полномочиями при наведении порядка.

Ты забыл, наверно, что вместе с политическими прибывает группа уголовного сброда. Они попробуют устроить саботаж, схватить тебя за горло. Теперь ясно?

– Теперь ясно, – обречённым голосом выдавил из себя Кацапов и сглотнул внезапно накатившуюся слюну.

– Надеюсь, мы с тобой сработаемся, – приободрил его Карачун. – Если справишься с задачей до приезда горных специалистов – отпущу тебя в отпуск.

– Как... в отпуск? – не поверил Александр. – Разве такое возможно?

– Возможно, парень, ещё как возможно. В нашей глухомани свои законы. Только это будет не тот отпуск, о котором ты сейчас подумал. Городского кайфа не жди. Я отправлю тебя на Печору. Одного, без охраны. Будешь охотиться на зверя, рыбку ловить, на зиму солонину заготавливать. Офицерский состав начал голодать, надо спасать людей.

Кацапов с трудом сдерживал волнение. Ему не верилось, что с понедельника ему уже не придётся ползать на четвереньках в тесном штреке в набухшей от сырости одежде, не лежать на спине в минуты коротких передышек, укрощая бешеный ритм сердца жадными глотками затхлого воздуха. Все эти жуткие ощущения через пару дней останутся в прошлом. Он круглые сутки будет дышать чистым морозным воздухом, не заставляя напрягаться изношенное тело. Вот это и будет тем чудом, о котором в забое мечтает каждый зек.

– А если не справлюсь? – задал Александр свой последний вопрос.

– Отдам на растерзание братве Демона, – ослабил Карачун. – Пусть потешатся с тобой. Всё, иди.

«Да, настоящий благодетель, – подумал Кацапов. – Сказал, будто вилы в бок воткнул».

Он встал, бросил напоследок взгляд на «кума» и отправился в шахту. Впереди его ждала новая жизнь, полная неожиданностей.

Глава 5

Поезд шёл по утопающей в глубоком снегу бесконечной вологодской тайге. Словно измученное частыми метелями солнце потеряло свой цвет, сделалось тусклым и невзрачным. Его холодные жёлто-розоватые лучи уныло прогуливались по вершинам деревьев, нехотя спускались вниз и жиденькой плёнкой заливали небольшие лесные поляны. Мимо окон в глубине леса изредка проплывали таёжные деревеньки в три десятка ветхих домов, и опять тянулась хмурая тайга.

Весь этот вид ещё больше увеличивал тоску Афанасия Дормидонтовича Кривошеева, оставившего неделю назад службу начальника районного отдела НКВД по городу Чусовому. Благополучная жизнь кончилась для него, он ехал на Север на новое место службы.

... Десять дней назад его вызвал к себе начальник управления. Состоялся тяжёлый разговор. Причиной вызова стал рапорт одного из сотрудников областного управления, который приезжал к Кривошееву с комиссионной проверкой. Комиссия выявила факты жестокого обращения с гражданами, находящимися под стражей в КПЗ. Кто-то донёс этому офицеру, что не только подчинённые, но и Кривошеев сам лично неоднократно избивал арестованных граждан. Может, всё бы и обошлось, получил бы он выговор, в конце концов, не он первый, и не последний, кто мутузит упёртых арестантов, если бы не эта проклятая баба.

Кривошеев уже много лет жил холостяком. После того, как умерла жена, он так и не смог найти достойную ей замену. Периодически на его пути встречались красивые женщины, но в них не было той преданности и раболепия, которыми обладала покойная жена, и которые так ценил он. Через несколько месяцев красавицы показывали своё истинное лицо и Афанасий Дормидонтович расставался с ними без сожаления.

Так он хотел поступить и с последней своей пассией, но спокойного расставания на сей раз не произошло. Взбалмошная Кира оказалась вульгарной особой и без боя сдаваться не собиралась, закатила скандал, объявив, что беременна. Кривошеев выслушал её, но не поверил ни единому слову этой спесивой женщины. Забрал у неё ключи от квартиры и выпроводил за дверь. Она стала для него обузой, обыкновенной устаревшей вещью, от которой хотелось поскорее избавиться и забыть о её существовании.

После неприятного разговора Кривошеев решил избегать с ней любых встреч. Однако, не тут-то было. Уже в следующий вечер, возвращаясь со службы, он ещё издали заметил Киру. Та ждала у подъезда. Чтобы избежать нового скандала, Афанасий Дормидонтович вернулся назад в райотдел, где и провёл первую ночь в кабинете. Затем последовала вторая ночь, третья. Этим фактом Кира воспользовалась в своих кознях, решив отомстить бывшему любовнику. Он и предположить не мог, насколько коварной может оказаться неугомонная баба. Она подговорила подругу, чтобы та через знакомого милиционера Бражникова предложила Кривошееву свою комнату в коммуналке. Вариант сработал, Кривошеев доверился своему верному псу и попался на удочку. А дальше дело было раскручено так, что в одну из ночей подруга очутилась в объятиях квартиранта.

Кира написала анонимное письмо, которое необъяснимым образом попало в руки прибывшему из области офицеру. В письме с подробностями были изложены факты аморального поведения офицера и коммуниста Кривошеева.

Начальник управления принял своего подчинённого без обычного рукопожатия. Это было нехорошим предвестием. Кривошеев сидел напротив и, ёрзая на стуле, терпеливо слушал содержание акта комиссионной проверки.

Наконец, начальник закончил читать, снял очки, положил перед собой. Его седеющие брови шевельнулись и сошлись у переносицы. В усталых глазах отражалось презрение.

– Что скажешь на это? – он тряхнул в воздухе анонимкой.

Пока Кривошеев молчал, выстраивая в мыслях витиеватое объяснение, начальник опередил его:

– Впрочем, не нужны мне твои объяснения, и так всё ясно. Не хочу даже слушать. Противно. Офицеру НКВД, ведущему аморальный образ жизни нет места и в партии. Но мне не хочется, чтобы твои беспорядочные связи с распутными бабами порочили честь нашей конторы. Своё пятно будешь смывать в другом месте.

Начальник управления замолчал, но по всему чувствовалось, что высказал он ещё не всё, что заготовил. Что-то сдерживало его от резких слов. Кривошеев сидел не шелохнувшись, глядел начальнику в лицо, не моргая.

– У меня нет возможностей отрезать у тебя кобелиный раздражитель, но ограничить твою похоть в моих силах. Поедешь туда, где не будет соблазнов. Приказ о твоём освобождении с должности я уже подписал. Зайди в отдел кадров, ознакомься. На днях прибудет твой преемник, сдашь ему дела.

... День близился к полудню. Утренняя серая муть окончательно выветрилась, краски за окном сделались более яркими и выразительными. Народ в вагоне будто ждал этого момента. Люди сразу очнулись, задвигались, затараторили. Кое-кто, успев проголодаться после скудного завтрака, рылся в дорожных баулах, извлекал нехитрый харч, кто-то бежал за кипятком. В считанные минуты всё вокруг пришло в движение, как на толкучке.

В вагоне собралась разномастная публика. Ехали и группами с большим количеством багажа, и одинокие граждане с маленькими авоськами, а то и вовсе с пустыми руками. Ехали бородатые старики и безусые подростки. Где-то в конце вагона заливался плачем ребёнок. Услышав этот плач, захныкала рядом девочка лет трёх. С кружкой кипятка, согнувшись почти до пола, мимо медленно прошагала усохшая, как осенняя былинка, старуха с растрёпанными волосами. Мужиков призывного возраста Кривошеев не увидел.

Рядом с Кривошеевым сидела нахохлившаяся женщина лет тридцати пяти. Она вошла в Вологде и всё это время не проронила ни слова. В глаза бросалась её чрезмерная худоба и бледное лицо с глубоко ввалившимися глазами. На лбу явственно обозначились ранние морщины. Кроме обшарпанной сумочки на коленях, которую она крепко держала за ручку двумя руками, с ней не было никаких других вещей.

Напротив женщины расположился дедок с куцей бородёнкой пепельно-грязного цвета. На нём был старый овчинный тулупчик с вырванными в нескольких местах мелкими клочьями. На голове, съехав на правый бок, покоилась такая же старая, как и сам дед, ушанка. Ещё один попутчик – хромой паренёк лет шестнадцати – забился на верхнюю полку и не подавал признаков жизни.

Дедок беспрестанно ёрзал, поворачивал голову направо и налево, изредка смотрел в окно, исподтишка косился на Кривошеева. Чувствовалось, ему очень не хватало общения, но соседи, как на грех, попались неразговорчивыми и ни разу не отреагировали на его слова.

Наконец, измучившись от бессловесности, он предпринял последнюю попытку, взяв на вооружение военную тему. Кривошеев ехал в милицейской форме, чем и подвиг старика на разговор.

– Позволю себе полюбопытствовать, товарищ милицейский начальник, не слышали ли свежих новостей с фронта? – прищурившись, спросил старик, обнажив в доброжелательной улыбке беззубый рот. – Несколько дён уж радива не слышал, антирес появился.

К своему удивлению, Афанасий Дормидонтович не буркнул в ответ что-то нейтральное и жёсткое, чтобы разом отвязаться от ненужного собеседника. Наоборот, неожиданно для себя он почувствовал потребность общения. Видимо, после всех неприятностей и неотступных мыслей о предстоящей службе, преследующих его в последние сутки, ему хотелось как-то отвлечься, расслабиться. Шустрый дедок как раз подходил для этой цели.

– Что бы ты хотел услышать от меня? – с усмешкой отозвался Кривошеев. – Как немцы побежали в панике на всех фронтах?

– Не-ет, немец, покамест, ишо силён, чтобы драпать по всем направлениям, а вот сломать ему хребтину в районе Вязьмы и Ржева наша армия сможет уже очень скоро, – старик погасил улыбку, сделался серьёзным. – Замкнут его, супостата, там в кольцо и – амба! Погонят безжалостным кнутом обратно к границе.

«Забавный старик, – подумал про себя Кривошеев. – И совсем не глуп, как кажется на первый взгляд. Владеет военной обстановкой не хуже ответственного партийного работника».

– Скажи, папаша, а откуда тебе известны такие подробности? – поинтересовался он.

– Сын сказывал, – ответил дедок. – Он у меня ахфицер, до майора дослужился. На Халхин-Голе отвоевал, потом с финнами дрался на Карельском перешейке. А в ноябре был ранен под Ленинградом, лежал в госпитале, в Вологде. Вчерась я его проводил обратно на фронт. Сейчас вот домой возвращаюсь, в Ерошино своё. Василий-то, сын мой, так и сказал: возьмут, дескать, батя, фашиста в скорости в клещи под Ржевом и Вязьмой, и пойдёт наша армия дальше освобождать порабощённые города.

– Правильно сказал твой сын, – с уверенностью подтвердил Кривошеев. – Ещё немного поднажмут наши войска в этом районе, немец не выдержит напора и дрогнет, побежит в панике назад.

Они оба замолчали, каждый думая о своём, некоторое время смотрели в окно. Потом старик, посмотрел на продолжавшую молчать женщину, заговорил вновь:

– Война с немцем ноне коварнее случилась, чем ранешняя. Фашист проклятый, в разницу от Кайзера, не щадит ни баб, ни малых деток. К нам тут в Ерошино прибились несколько беглянок от войны, так они порассказали, как он зверствует, ирод. Пожили эти бабы под немцем всего-то две недели, а натерпелись страху на весь остаток жизни. У одной из них дочь была, ишо и восемнадцати ей не сполнилось, так эти звери, язви их в селезёнку, прознали, что она комсомольским вожаком была, надругались над ней всей звериной стаей, а потом приставили к стене родного дома и расстреляли на глазах у матери. Мать-то, бедняга, в тот же день онемела от горя и молчит до сей поры. Волос белым сделался, как вон снег за окном. Вот ведь какая история приключилась с бабой.

Женщина впервые за весь путь выпрямилась, откинулась на спинку полки, и внимательно, не отрывая глаз, смотрела на старика. В глазах её была неизгладимая боль, с которой, по всей вероятности, она жила уже длительное время. И вдруг женщина заговорила тихим и печальным голосом:

– А я вас узнала, дедушка. Вы ведь Федот Харитонович Воробьёв?

Дедок встрепенулся, подёрнув плечами под тулупчиком, будто собирался сбросить его и показать крылья в подтверждение своей птичьей фамилии.

– Смотри-ка, заговорила наша попутка, – сказал дедок с неподдельной радостью. – Я уж сомневаться стал, способна ли ты на разговор? Думал, без языка, как та беглянка. Откуда знашь меня, девонька? Чьей-то сродственницей приходишься в нашем Ерошино, али как?

Женщина покосилась насторожённым взглядом на Кривошеева, будто опасалась сболтнуть что-нибудь лишнее при милицейском начальнике. Потом безрадно и глухо произнесла:

– Дочь я Пелагеи Захаровны Пожитиной, с сыном вашим, Василием, в одной школе учились.

– Постой, постой... – дед Федот принялся гладить правой рукой по бороде, что-то припоминая. – Была у Пелагеи дочка, верно. Варькой звали, кажись.

– Я и есть та самая Варька Пожитина. Только сейчас я Никитина по мужу, – при последнем слове глаза женщины увлажнились, она оторвала от сумочки правую руку, смахнула ладонью накатившуюся слезу. – Правда, где сейчас мой муж – неизвестно. С первых дней войны ни одной весточки. Он ведь на границе с Польшей служил, в Остроленке мы жили. За два

дня до начала войны он меня к маме на лето отправил, а сам остался служить. Ему отпуск в июле обещали, должен был тоже приехать погостить. О войне я уже в дороге узнала, хотела вернуться назад, да куда там! Вокруг такой бедлам случился!

Варвара умолкла и вновь уставилась в окно, вспоминая, очевидно, те страшные первые дни войны, которые ей пришлось пережить.

– Вон она, стало быть, какая долюшка тебе выпала, – проговорил старик Воробьев озабоченно. – А далее-то што было?

Женщина будто не услышала вопроса Федота Харитоновича, продолжала неотрывно смотреть в окно. Только спустя полминуты, очнувшись от тягостных воспоминаний, переспросила:

– Дальше что? А дальше добралась я до Ленинграда – там свекровь моя жила, думала, может, от неё что узнаю о муже. А потом... потом блокада началась. Свекровь умерла от голода, и я, быть может, тоже умерла, едва ходила уже, если бы брат мужа с оказией не вывез меня через Ладогу. Сейчас вот оклемалась немного, еду к матери.

– Ох-ох-хо, – тяжело вздохнул дедок. – Вот ведь чего натворил фашист проклятушший! Ну, а об отце-то ничего не слышать?

Варвара испуганно покосилась на Кривошеева, молчавшего всё это время и перевела предостерегающий взгляд на деда. Ей не хотелось вести разговор о репрессированном отце в присутствии сотрудника НКВД.

– Нет, дедуль, ничего, – ответила она коротко.

– Жаль мужика, хорошим председателем был, – заговорил старик дальше, не уловив во взгляде Варвары предостережения. – Заарестовали в тридцать седьмом ни за что, ни про что, и мыкается сейчас наш Филимоныч по лагерям где-то в гиблых местах. А этот сукин сын, что донос на него написал, сбежал куды-то от гнева людского. Почуял, лисья душа, что мужики могут на вилы его нанизать, ровно охапку сена, и укатил из Ерошина в одну из ночей. Месяца не выдержал, подлец! Хучь так и не признался, что самолично нацарапал этот поклёп.

Варвара опустила голову, боясь взглянуть на Кривошеева. Ей даже показалось вдруг, что, когда тот до конца выслушал историю про её отца, на его лице мелькнула злорадная усмешка.

– Вот ответь-ка ты мне, товарищ милиционерский начальник, – неожиданно осмелев, обратился неугомонный дед к Кривошееву, хитро сощуриив свои блеклые глаза. – Ты, я вижу, большой чин заслужил в органах енкеведэ, стало быть, человек ты правильный и справедливый, в енттой конторе зазря званьев не дают. С горячим сердцем и холодным умом, стало быть, ты, как был сам товарищ Дзержинский, царство ему небесное, – дед вцепился немигающим взглядом в лицо Кривошеева. – Смог бы ты, к примеру, упрятать за решётку человека, не разобравшись до конца: виновен он, аль не виновен? Смог бы взять грех на душу и сделать из председателя колхоза бесправного каторжанина, а? Знаю наперёд: не смог бы. Духу бы в тебе не хватило отправлять в тюрьму невинного человека по оговору одной паршивой овцы! Не спросил бы разве мненья всех колхозников, а? На собрании, к примеру? Мы ведь председателя избирали всем миром, мы бы всем миром с него и спросили, прежде чем заарестовывать. И в тюрьму бы сами отправили, кабы вызнали, что виновен он. Вот так бы ты поступил, верно?

– Верно, дед, верно, – поддакнул Кривошеев, уже начиная злиться на себя за то, что поддался соблазну побеседовать с забавным стариком. – Непростительно сажать за решётку невинных граждан, это правда. В любом деле надо искать истину в совершённом преступлении, разбираться без предвзятости.

Довольный ответом, Федот Воробьев повернулся к Варваре:

– Вишь? А я что говорил? Разобрались бы мы с твоим отцом, коли дело вели бы люди без этой... как её... взятости, был бы он до сей поры председателем в Ерошино. Хотя, вряд ли. На войну бы упросился у партийного начальства. Он всегда шёл туды, где по грудь, а не по щиколотку, по отмели не шагал, да!

Дедок, казалось, выговорился и замолчал. Молчала и Варвара. Она думала об отце. В её памяти отец остался весёлым и неунывающим. Последний раз она видела его за два года до ареста, когда они с мужем приезжали в Ерошино погостить. Сейчас она попыталась представить на миг, как такой же вот человек в милицейской форме, как рядом сидящий попутчик, в тридцать седьмом году уводил под конвоем её отца. Варвара непроизвольно поёжилась, будто её температурило.

Потом её мысли перебежали к семейным драгоценностям, которые она вывезла из блокадного Ленинграда, и которые хранились сейчас у неё на дне сумочки. Она и подседа-то поближе к этому неулыбчивому сотруднику НКВД с единственной целью, чтобы обезопасить себя от случайных вагонных воришек. Если бы не дорогие серёжки свекрови, да кулон, которые та достала из шкатулки перед смертью и передала ей, Варвара никогда бы не отваживалась сесть на одну лавку с милиционером. Она побаивалась человека в милицейской форме.

– Позвольте полюбопытствовать о вашем чине-звании, – напомнил о себе после длительной паузы дед Федот.

– Для чего тебе это знать? – недовольным голосом спросил Кривошеев, пристально глядя в лицо старика.

– Уж шибко любопытно мне, каким войском командовал бы ты, случись быть на фронте? Полк бы повёл в бой с немцем, аль только роту?

Услышав провокационный вопрос, как ему показалось, Кривошеев не сразу нашёлся, что ответить. Подобная мысль ему и самому не одиножды приходила в голову. Но каждый раз он отгонял её прочь, скорчив лицо, как от зубной боли. Афанасий Дормидонтович страшился представить себя на передовой. Конечно, никто бы не доверил ему командовать даже взводом, ведь у него не было ни военного образования, ни командирского опыта времён гражданской войны. В ЧК он пришёл рядовым красноармейцем, и только потом получил образование. Кем он мог стать на фронте в звании старшего офицера НКВД, трудно было представить. Особистов там и без него хватало.

– Не задумывался я как-то об этом, – нашёлся, что ответить Кривошеев. – Служу по принципу: какой пост партия мне доверит, на том и буду нести службу. Добросовестно и с полной отдачей сил.

– А вот, коли бы добровольцем вдруг стался? – не унимался дедок.

– По доброй воле отправиться на фронт я не могу, поскольку меня не отпускает начальство, – соврал Афанасий Дормидонтович, чтобы отвязаться от чрезмерно любопытного старика, и отвёл взгляд в сторону. – Говорят, пока я нужнее на другом рубеже.

– Ну-да, ну-да, нужнее, а как же? – закивал головой старик Воробьёв, пряча в куцей бородке ехидную усмешку. – Вы, случаем, не до Коноши едете?

– Ты, дед, не шпион ли? – прошипел Кривошеев, чувствуя, как где-то внутри накатывает волна негодования к этому беспардонному старикашке. – Высажу вот тебя на ближайшей станции, да сдам куда следует. Мигом пропадёт нездоровое любопытство.

– Как это я сразу не догадался, кто ты есть? – не страшась угрозы, усмехнулся Федот Воробьёв. – Тут ведь железную дорогу от Вельска до Котласа заключённые тянут, так ты, стало быть, на этот передовой рубеж трудового фронта, так сказать, и направлен. Знамо дело, что немец – враг, и бить его надобно беспощадно. Но и в схватке с врагами советской власти требуется героизма не меньше. А как же? Чего уж тут не понять? – Дедок встал, затянул потуже на поясе свой драный тулупчик, прихлопнул рукой съехавшую на бок шапку и, не попрощавшись, будто запамятовал, засеменил в тамбур.

До Коноши оставалось ещё полчаса езды.

Варвара, низко опустив голову, с ужасом слушала слова односельчанина, понимая их истинный смысл, и не знала, как ей поступить. Вначале она хотела последовать за стариком и доехать с ним в тамбуре до своей станции, но в последний момент, вспомнив о драгоценностях

в сумочке, передумала. Она должна была, во что бы то ни стало, сохранить их для мужа в память о его матери. В то, что он погиб, Варвара не верила.

Кривошеев прислонился к стене и прикрыл глаза.

«Надо же, какой наглец! – с неприязнью подумал он о старике. – С виду пентюх неотёсанный, даже заискивал передо мной, паршивец, распинался в похвалах. А что в итоге? Оскорбил сотрудника НКВД! И как!? Тонко и изощрённо, со скрытым смыслом, на рожон не лезет, хитрец, не подкопаешься! – от досады на щеках Кривошеева заходили желваки. – Может быть, он и не крестьянин вовсе? – мелькнула совсем уж шальная мысль. – Почему и нет? Мало ли ещё скрывается от правосудия бывших белобандитов? Расползлись, сволочи, по всей стране, залезли в самую глухомань и мутят народ в простом обличье, пакостят, как могут, советской власти! И крестьянскому говорку выучились для конспирации, и в одежку дряхлую вырядились! Всё предусмотрели, выродки, всё просчитали! Если даже офицер НКВД повёлся на такую удочку, тогда что говорить о простых гражданах? Слушают, подлецов, раскрыв рот! Обычный оборотень, этот дедок, как пить дать, типичный враг народа. Попадись он мне при исполнении с таким заявлением, которое только что выдал, немедленно бы отправил в КПЗ, а потом отдал бы на перевоспитание в лагеря лет на десять. Эх, Афанасий Дормидонтович, так и не научился ты распознавать в лицо, кто враг, а кто...»

Кривошеев споткнулся на мысли, не находя подходящего определения для человека, который не является врагом советской власти.

«Если не враг, то кто тогда?» – удивился он своему замешательству. Удивился и ужаснулся. На протяжении многих лет, оказывается, он имел дело исключительно с врагами народа. Допрашивал их, дотошно ковырялся в биографиях, искал мотивы нарушения советских законов между строк, пытался даже мыслить, как они. А когда человек не признавал своей вины – давил на него, избивал от ненависти и собственного бессилия. И ни разу за эти ушедшие годы не задумывался, что кроме врагов народа есть ведь и другая категория людей. Тех, кто предан советской власти, кто готов ценой своей жизни защищать интересы революции. Но таких – единицы, даже среди большевиков с дореволюционным стажем оказались предатели, перешли в стан врагов народа. Тогда кто же эта большая серая масса беспартийных крестьян и рабочих? Как их мне называть?

Кривошеев приоткрыл глаза, с тревогой покосился на Варвару, словно та могла догадаться о его смутных мыслях.

«Вот, к примеру, кто эта женщина? Враг или...кто? Она явно беспартийная, зато её муж – офицер, коммунист, сражался с японцами, финнами, встретил немцев на границе, наверно, даже, и погиб героически. Сама она бежала от оккупантов, хотя из-за обиды за осужденного отца вполне могла остаться на захваченной территории и перейти на сторону врага. Потом пережила блокаду Ленинграда. А вот её отец – враг народа, по всей вероятности, осужден за порчу народного имущества или ещё что-нибудь в этом роде. В тридцать седьмом году я, не раздумывая, причислил бы и её к врагам народа. Тогда все близкие родственники осужденного по ст. 58-10 автоматически становились врагами советской власти. А сейчас? Что изменилось сейчас? Почему у меня меняется мнение о таких, как эта женщина? Что это? Стало притупляться чутьё чекиста? Или здесь что-то совсем другое? Что со мной происходит? Стал иногда сомневаться в справедливости собственных решений?» – Кривошеев зябко поёжился от странных ощущений, неожиданно появившихся где-то глубоко внутри. Будто наждачная бумага прошлась по его внутренностям.

Он ещё раз взглянул на Варвару и вновь закрыл глаза. В памяти поплыли лица тех, кому он предъявлял обвинения в контрреволюционных террористических намерениях. Кривошеев помнил этих людей, помнил детали их дел, манеру держаться на допросах, мольбу и заискивания слабых духом, и дерзновенное, вызывающее поведение тех, кто отрицал предъявленные обвинения и пытался бороться за восстановление справедливости.

Перед глазами всплыло лицо Марка Ярошенко, он вспомнил свою последнюю встречу с ним перед отправкой в Тройковый суд. Тогда, стоя в кабинете с отведёнными за спину руками в ожидании конвойного, Ярошенко сказал напоследок:

– У нас разные пути-дороги, гражданин начальник. Я верю в существование Бога, а ты потворствуешь воле Дьявола. Мне ясен источник чистоты и справедливости на этом свете, а в твоей голове сплошная тьма и путаница. Во мраке ты живешь, гражданин начальник, шагаешь по жизни, как слепой без поводыря.

«Слепой без поводыря... – усмехнулся про себя Афанасий Дормидонтович, не открывая глаз. – Вот с кем я бы встретился ещё раз. Хоть он и враг, но собеседник интереснейший. Жив ли ты, хохол твердолобый, или уже давно на небесах со своими убеждениями?»

Кривошеев не мог знать в этот момент, что судьба, этот загадочный путеводитель по жизни, сведёт его ещё один раз с Марком Ярошенко. Увы, теперь уже последний и окончательный.

Из воспоминаний его вывел простуженный голос проводницы:

– Подъезжаем к станции, Коноша! Кому здесь выходить – готовимся заранее!

Варвара вздрогнула, затем вскочила с места и, держа перед собой обеими руками сумочку, заторопилась в тамбур.

«Придурковатая какая-то», – вяло подумал о ней Кривошеев и уже через минуту забыл о её существовании.

Дождавшись полной остановки поезда, он встал и неторопливо направился к выходу.

В конце перрона стояла машина. Из кабины вышел мужчина в белом овчинном полушубке с португеей на ремне. Ему предстояло сопроводить Кривошеева до города Вельск, где располагалось Северо-Двинское Управление лагерями.

Глава 6

В угрюмой северной тайге день разгорался нехотя, будто не желал принимать бразды правления у безмолвной ночи. Плотный мрак, поглотивший с вечера лагерные бараки, таял неторопливо, растворяясь в бледных красках неба. Едва горизонт обозначился бледно-розовой полоской света, как в лагере тут же всё пришло в движение, будто его обитатели с нетерпением ждали этой долгожданной минуты.

Вспыхнул свет, захлопали двери, послышались отрывистые крики конвойных, выгоняющих измученных людей на построение. Заключённые, едва передвигая ноги, выходили из душных барачных и, пошатываясь от слабости, понуро плелись к месту сбора. Конвойные матерно ругались, подгоняя прикладами отстающих, распяляли сторожевых собак, те злобно рычали и с яростным лаем рвались с поводка. Хорошо натренированные псы были готовы в любой момент рвать на куски безвольную людскую массу.

– Подымайся, сволочь! – гаркнул мордастый молодой конвоир с рыжими таракаными усами, направляя ствол винтовки в лицо лежащего на снегу заключённого. – Подымайся, говорю, ну!? Иначе пристрелю, морда кулацкая!

– А ты пристрели, дружок, сделай милость, – слабым голосом проговорил заключённый, переворачиваясь на спину. – Я буду тебе благодарен за эту услугу.

– Вставай, симулянт, не доводи до греха, – проговорил конвойный, сбавив на полтона свой простуженный голос. По всей вероятности, его ошарашила просьба истощённого зека, и он был в замешательстве, тупо соображая, как ему следует поступить, если вдруг пожилой узник действительно не пожелает подняться и не станет догонять своих собратьев.

Сопровождение заключённых под конвоем от барака до места построения было введено сравнительно недавно. До этого их конвоировали только за пределами зоны, при шествии на трассу. Порядок охраны изменил новый начальник лагеря. При вступлении в должность ему доложили, что заключённые, ослабев от скудного пайка и изнурительной десятичасовой работы стали избегать построения и прятались в любых потаённых местах, лишь бы уклониться от непосильного труда на трассе. Страшась свалиться прямо в траншею и уже не подняться самостоятельно, они всячески стремились сделать хотя бы небольшую передышку. Кто-то ещё до подъёма залазил на чердак барака, кто-то заползал в дальние углы под нары, а кто-то попросту зарывался в снег, пережидая в сугробе утреннюю суету.

Переключку не проводили уже несколько месяцев, с тех пор, когда началась массовая дистрофия. Каждое утро с нар собирали по несколько остывших за ночь тел. Вводя обязательное конвоирование заключённых на утреннее построение, начальник лагеря вовсе не опасался, что кто-то из зеков способен совершить побег. Такого произойти не могло, поскольку периметр зоны охранялся достаточно надёжно, да и бежать зимой было бессмысленно: истощённый заключённый мог бы пройти по заснеженной тайге не более десятка километров. Затем его ожидала неминуемая смерть. Сопровождение под присмотром вооружённой охраны делалось для устрашения и укрепления трудовой дисциплины.

Вновь прибывший начальник лагеря был убеждён, что на свете не существует человека, который бы не боялся смерти. Главное, рассуждал он, найти тот единственный метод для выработки страха, тот жестокий и безупречный стимулятор, который бы раз и навсегда исключил возможность уклонения от выхода на трассу. Здоровых людей в лагере с каждым днём становилось всё меньше и меньше, а возложенный на его объём работ надо было выполнять любой ценой. Смертность среди заключённых из-за голода и физического истощения никого не интересовала. С этим фактом особо не церемонились и относили людские потери к неизбежным издержкам производства. Строительство железной дороги Коноша-Котлас стояло на жёстком контроле в Главном Управлении Лагерями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.